Вера Кушнир

Неисчерпаемый Источник

Вера Кушнир

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Детям моим:
Анне, Нине, Евгению
и Ире – посвящаю

Вера Кушнир

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

УДК 37-373.1
ББК 75.10
К 3

Кушнир Вера

К 3 Неисчерпаемый источник. Стихи. – К.: Свет на Востоке, 2009. – 176 с.

Поэтические произведения известной христианской писательницы и поэтессы Веры Кушнир.

Кушнір Віра

К 3 Невичерпне джерело. Вірші. -– К.: Світло на Сході, 2009. – 176 с.

Поетичні твори відомоі християнськоі письменниці та поетеси Віри Кушнір.

Редактор Вальдемар Цорн
Корректор Елена Пеннер
Обложка Сергея Конторовича

Изд. № 01.218
ISBN 978-966-2089-09-7 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-01-0 (Герм.)

«Вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».
Ин. 4:14

НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Казалось, я сказала все о Нем
В своих давно написанных поэмах,
Где речь текла безудержным ручьем,
Журча, как на камнях, на вечных темах.

Но почему-то не иссяк родник.
Я чувствую прилив его упорный
И вижу, как ребенок и старик
Пьют из ручья той старой темы спорной.

Я вижу, как прохладная струя
Магически преображает души.
Так значит, песнь не кончена моя!
Так значит, время тот родник не сушит.

И значит, Бог над нами не шутил,
Сказав, что реки потекут из чрева
У тех, кто из Его истоков пил,
У тех, кто ел от вечной жизни древа.

Так пусть же не смолкает песнь моя,
Пускай течет река живого Слова.
Пусть люди пьют из этого ручья –
Прохладного, прозрачного, живого!

О ВОДЕ

Я воду пила из граненых стаканов,
Из глиняных кружек, кувшинов и жбанов,
Из носика чайника, горлышка фляги,
Пила языком капли радужной влаги,
Что в рот мне из тучи обильно катились,
Пила из пруда, где лягушки водились,
Из речки пила и пила из ручья,
Где слаще вода, потому что ничья.

И просто губами пила из-под крана,
Из мохом покрытой бадьи деревянной,
Что билась о стенки глубокой криницы.
Пила кипяток у последней границы,
Когда наш состав из товарных вагонов
Нас вез из России со свистом и звоном...

Бывало, я воду пила в ресторане
Со льдом и соломинкой в узком стакане.
Пила из ладони... Пила и ценила!
Но с новою силой ее полюбила,
Когда услыхала про вечные воды,
Что душу несут под небесные своды,
Про жизни Источник и слово любви:
«Пей воду живую и вечно живи!»

* * *

В лужице с зеленою водой
Днем весенним небо отразилось.
И вода вдруг стала голубой,
Драгоценным камнем заискрилась.

В моем сердце, грустном и пустом,
Луч любви Христовой отразился.
И сухой, безводный водоем
Вдруг в родник живящий превратился.

Потекла река воды живой
В вечность, в неизведанные дали.
Лужица вдруг стала голубой
От любви, что Божьи руки дали.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Я не создам бессмертных од,
Мне далеко до звезд блестящих.
Но что, когда душа поет
И бьется стих в сердечной чаще?

Не Гете я и не Шекспир,
Не Блок, не Тютчев и не Пушкин...
Но что, когда на сердце мир
И свет, как на лесной опушке?

Держать в себе, таить, хранить,
Боясь заране неудачи?
Но что, когда порвалась нить
И сердце сетует и плачет?

Молчать, когда от красоты
Восторг мне душу распирает?
Когда растоптаны цветы
И кто-то близкий умирает?

Нет! Даже если не создам
Того, что на весь мир грохочет,
Я все же ЧТО-ТО людям дам
Из сердца, что делиться хочет!

ПАМЯТЬ

Носит память в тайниках глубоких
Впечатленья пережитых лет
И дарит рифмованные строки,
За куплетом отдает куплет;

Засекает памятные даты
И учет событиям ведет.
Выступают мысли, как солдаты,
И идут уверенно в поход.

Чаще же бывает беспорядок,
Бегство врассыпную, суета...
Нужно слово с этим словом рядом,
А на месте слова – пустота!

Память, помоги, дай строчке слово,
И укрась им мой нестройный стих,
Чтобы он звучал свежо и ново
И хранился в памяти других.

БЕССМЕРТНЫЙ СТИХ

Поэт быть должен в авангарде,
На злобу дня стихи писать
И, как эмблема на кокарде,
Свою эпоху отражать.

И я читаю, как целинный
Ударно собирают хлеб,
Имен мелькает список длинный:
Иван, Василий, Петр и Глеб...

Их жизнь умело описали
Такие ж, от сохи, творцы.
Тот стих в газете прочитали
Страды целинной молодцы.

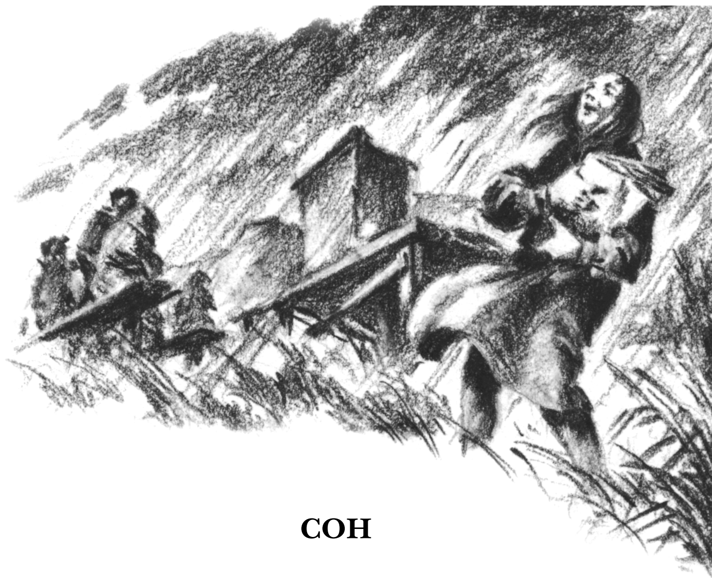
Их стих сугубо злободневный,
Как голос матери звучал.
Труд непосильный, ежедневный
Переносить он помогал.

И в тот момент он был насущней,
Пожалуй, чем насущный хлеб.
Его народу отдающий,
Потребней был он всех потреб.

Но миг прошел и в вечность канул,
И стих утратил остроту.
И тот, кто в нем был упомянут,
Как на ветру огонь, потух.

Оторванный от сути вечной,
С годами увядает стих,
Как лист, оторванный от ветки
Без соков дерева, живых.

Привьет бессмертие поэме
Тот, кто, сам к Богу приобщась,
Родным стал Его вечной теме,
Не потеряв с эпохой связь.

СОН

Дождь моросил с утра – косой и хлёсткий.
Вершины гор исчезли в тучах серых.
Мне сколотили шаткие подмостки
Из старой, перекошенной фанеры.

Я шла пешком на это выступленье.
Вода текла по волосам за ворот,
Подол промокший бился о колени,
Промок в руках стихов неровный ворох.

Я думала: «К чему затея эта?
Кому стрельнула в голову идея
Устроить вечер чтенья для поэта
Вот так под небом, под дождем... Да, где я?

И неужели соберутся люди
И будут слушать созданное мною?»
И мысль пришла уместно о простуде,
Лишь ощутила, что все тело ноет.

Я поднялась несмело на подмостки,
Окинула гостей тревожным взглядом –
У всех блестели лица мокрым лоском,
Решили все, что им зонтов не надо.

И я, забыв убогость обстановки,
Забыв про дождь, про ветер, лужи, тучи,
Раскрыла ворох свой привычно, ловко
И начала читать как можно лучше.

В слова и строчки вкладывая душу,
Читала чуть не до изнеможенья.
И мне казалось, что никто не слушал
Так, как тогда, мои стихотворенья.

В них говорилось о любви Христовой,
О жизни, правде, людях, о спасенье...
И дождь прошел, и солнце вышло снова,
Когда с подмостков я сошла в волненье.

Я, всю дорогу тихо улыбаясь,
Просохший ворох к сердцу прижимала...
О, если б наяву мне так читалось,
Чтоб непогоду солнце прогоняло!

СЕСТРЕ ПО ПЕРУ

Писать о чувствах о своих не низко ведь,
А может быть, что даже высоко,
Когда стихи, как авторская исповедь,
Читаются волнующе легко.

Когда перед тобой не описание
Избитых фактов и знакомых сцен,
А чистое души исповедание,
Как хорошо расшитый гобелен.

На исповедь твою всегда откликнется
Сочувственно созвучная душа.
И пусть ты не во всем была отличница,
Правдивостью была ты хороша,

Тем, что, своей не пряча неприглядности,
Ты вынесла ее на общий суд.
Ты честною была... И твои радости
И горести твои всегда поймут.

Ты наряду с возвышенным и пламенным
Воспела сердце, жалкое до слез,
Простое, человеческое, плавленное
В огне борьбы, в горниле тщетных грез.

За искренность твою и верность вечному
Тебя награда ждет на небесах,
Где ценят все открытое и честное
И взвешивают души на весах.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА

Богат язык наш ласковыми, добрыми
Словами уменьшительно-беззлобными:

Девица, дева, девочка, девуленька,
Жена, женуля, женушка, женуленька.

Милаша, милый, миленький, милюсенький,
Малюк, малютка, маленький, малюсенький.

Хлеб, хлебец, хлебушек, буханочка, хлебиночка,
Земля, землица, землюшка, землиночка.

Родной, родимый, родненький, родименький,
Дружок, дружочек, кореш, друг любименький.

Кровь, кровушка, кровинка и кровиночка,
Сиротка, сиротинка, сиротиночка.

Слеза, слезинка, слезка и слезиночка,
Ребенок, детка, деточка, детиночка.

Отец, папуля, папчик, папа, папочка,
Мамуля, мама, маменька и мамочка.

Дочурка, доця, доченька, дочуленька,
Старушечка, бабусенька, бабуленька…

И этот список бесконечно тянется,
Он где-то в сердце русском начинается.

Мы о дороге говорим «дороженька»
И Богу в небе ласковое – «Боженька»!

ЖИВЫЕ ИСКРЫ

Трещат в камине весело дрова,
Взлетают искры по трубе с дымком.
Болит моя сегодня голова,
И слезы на глазах, и в горле ком...

Гляжу в огонь, как в розовый закат,
И искры провожаю, как деньки,
Что, улетев, не прилетят назад,
Как ты их ни зови, как ни влеки.

Сгорят дрова, остынет пепел их,
И сажей искры лягут на трубе,
Но дни останутся в стихах моих
На память всем, особенно тебе!

В моих стихах меня переживут
Живые искры сокровенных дум,
И по наследству многим перейдут
Слова, что дал водимый сердцем ум.

Слова, что сердцу подарил Господь,
Неугасимо, навсегда горят,
Тепло даря, когда остынет плоть,
Когда последний догорит закат.

Трещат в камине весело дрова,
Взлетают искры по трубе с дымком...
Но перестала мучить голова,
Размяк и растворился в горле ком.

НЕБЕСНЫЙ НАПЕВ

Мы устали от жизни,
Что суровой была.
О Небесной Отчизне
Весть до слуха дошла.

Мы настроили душу
На небесный напев
И хотим его слушать,
Недопив, недоев.

Стал всего он дороже,
Стал заветной мечтой,
На земном бездорожье
Вехой стал золотой.

В том слиянии звуков
Неземные тона,
И вторят ему стуком
У сердец клапана.

И ответная песня
Рвется ввысь, как орел.
Эту песню чудесно
Человек приобрел.

Мы поем ее вместе,
В одиночку поем.
С этой вечною песней
Нам не труден подъем.

Восхождение легче,
Не тяжел переход.
Распрямляются плечи
У того, кто поет!

ВЕРНУЛАСЬ!

Давно-давно в один из сентябрей,
Когда еще война не отшумела,
Я распрощалась с родиной моей,
И свои слезы спрятать не сумела.

Они лились-катились в три ручья,
И ветер пыль прикладывал к их следу...
Прощай навеки, родина моя!
Навряд ли я назад к тебе приеду.

Покрылись пылью все пути домой,
Ни одного, казалось, не осталось...
Сквозь слезы я сказала: «Боже мой,
Я не вернулась. Ах, какая жалость!»

Вдруг распахнулось у души окно.
Пришло, как свет во мраке, откровенье:
Вернулась ты на родину давно
В твоих программах и стихотвореньях!

Вернулась с большей пользой, чем без них,
Вернулась в более глубоком смысле.
И слезы счастья на глазах моих
На кончиках ресниц, блестя, повисли...

«Очи Его над путями человека,
и Он видит все шаги его».
Иов, 34:21

(К столетию русского перевода)

БИБЛИЯ

Века, века, далекие века...
В них где-то начинается творенье.
И мир творит Создателя рука,
И Разум замышляет Откровенье.

И от Адама грешного до нас
Течет живой рекой повествованье,
Прямое без смягчений и прикрас,
Божественно Священное Писанье!

Рукою человека пишет Бог,
Дух говорит – рука послушно пишет.
И смысл глубок и дивно ровен слог,
И слово каждое пульсирует и дышит.

И жизнь дарит, и освещает путь,
И поднимает грешника из праха
Так, что его ни сдвинуть, ни согнуть,
И не страшны ему тюрьма и плаха.

Бог говорит – и слышит человек,
И слово Божье духом принимает,
Когда деревьям вихрь колышет верх,
Иль куст в степи горит и не сгорает.

Когда с Синая в тучах говорит,
Когда из бури громко отвечает,

Когда молчит… намеренно молчит,
Иль в дуновенье ветра утешает.

Когда перстом проводит по стене,
Когда в уста Сам говорит устами,
У нас мороз проходит по спине,
Когда мы слышим Божии уставы.

Веками запись слов Его велась,
Веками Дух их диктовал пророкам,
И Библия писалася для нас,
Из глубины веков текла потоком.

На свой язык с чужого языка
Переводили Библию народы.
«Так говорит Господь!» – ее строка
Вошла во все живые переводы.

Сто лет назад на русском языке
Строка эта впервые прозвучала,
И кто-то русский с Библией в руке
Впервые прочитал ее сначала.

Она сегодня у меня в руках.
Я помню, как мне душу возродила.
Чужда на незнакомых языках,
А на родном звучит тепло и мило.

Я ЕСМЬ...

Свою природу, вечно сокровенную,
Христос в простую речь преобразил
И вкладывал в слова обыкновенные,
Каких никто, как Он, не говорил.

«Я ЕСМЬ СВЕТ». Мы знаем света функции,
Но кто на них посмеет притязать?
Был Магомет, был Будда, и Конфуций был,
Но «Я есмь свет» мог только Бог сказать!

«Я ЕСМЬ ЖИЗНЬ» – три слова, всем знакомые,
Понятные, кому их ни скажи.
Но жизнь – загадка с строгими законами,
Христос – разгадка ей: Он Сам есть жизнь!

«Я ЕСМЬ ПУТЬ». Каких путей запутанных
Ни исходили мы, ища, где суть,
Где жизни смысл, вуалью тайн окутанный?!
Христос дает ответ: Он Сам есть путь!

«СВЕРШИЛОСЬ!» – слово будто обиходное.
Мы многое свершаем на пути.
Но не всегда свершаем благородное,
И никого не в силах мы спасти.

Но со креста Христом произнесенное,
Оно дает спасенье грешным, тем,
Чье сердце пожелало быть спасенным
Чрез то, что «совершилось» на кресте.

Враг нам шепнет: «Подумаешь, спасение!
Умрешь, зароют – и конец мечтам!»
Христос сказал: «Я жизнь и ВОСКРЕСЕНИЕ,
Куда иду, спасенный будет там!»

«Я И ОТЕЦ – ОДНО, а вы творение» –
Простые и короткие слова.
Их глубины бездонное значение
Вместить не в силах наша голова!

«Я ЕСМЬ СУЩИЙ» – это просто сказано.
Не был, не буду, а вовеки ЕСТЬ!
И только тот, кто хочет быть наказанным,
Дерзает отвергать БЛАГУЮ ВЕСТЬ.

ОН И Я

Я хлеб делю, и рыбу режу,
И четверым кладу в уста,
А Он берет пять хлебцев свежих,
Две рыбки – и толпа сыта!

Мечусь по лодке. Буря воет.
Кричу: «Спасите, утону!»
А Он встает – и все в покое.
Он словом укротил волну!

Ломаю руки над могилой,
Но бесполезны плач и стон.
А Он идет ко гробу с силой –
И слышно: «Лазарь, выйди вон!»

Я мажу раны лучшей мазью,
Но толку нет от всех хлопот.
А Он, слюну смешавши с грязью,
Слепому зрение дает!

И так во всем, куда ни гляну:
Земля и небо – Он и я.
Когда же, Господи, я стану
Похожей больше на Тебя?

СЛОВО

Наш язык отражает настроенья былого,
Констатирует факты остро, метко, умно!
Есть у каждого сердца любимое слово,
И его вдохновляет это слово одно.

Заключенный в темницу повторяет: «Свобода»,
И заблудший в пустыне хрипло молит: «Вода»...
«Красота» – неустанно шепчут губы урода,
И голодный в бессилье повторяет: «Еда».

Одинокий, забытый ценит слово «товарищ»,
Зла вкусивший немало любит слово «добро»,
«Мир» – твердит утомленный от военных
пожарищ,
И любимое слово бедняка – «серебро».

Сирота на могильном холме неосевшем,
В землю пальцы врывая, «Мама! Мама!» – кричит.
И прощенья у друга попросить не успевший
Этим словом «прощенье» больше всех дорожит.

Замерзающий в поле под метелицей снежной
В полусне умиранья шепчет слово «тепло»,
И слепой от рожденья в своем мраке кромешном
И во сне не забудет слова «свет» и «светло».

Нелюбимый, забытый о «любви» помышляет,
Суетой утомленный любит слово «покой».
«Жизнь!» – истошно вопит тот, кто сам умирает.
«Радость!» – тихо вздыхает изведенный тоской.

Но для всех нелюбимых и всех одиноких,
Заточенных, уставших от зла и тоски,
Все слова дорогие слились, как притоки
В одном Слове, как в водах могучей реки.

В нем – свобода и радость, в нем – победа и счастье,
В нем – голодному пища и ослепшему свет.
В нем – для жаждущих влага и тепло средь ненастья,
В нем – покой для усталых, в нем приют и привет.

Это Слово живое было с Богом в начале,
Воплотившись, ходило по грешной земле,
А потом за весь мир на кресте умирало.
Бог Его уподобил благодатной скале.

Это Слово все горе земли испытало,
Проглотило всю соль человеческих слез.
Это Слово – конец, это Слово – начало,
Это Слово – СПАСИТЕЛЬ, это Слово – ХРИСТОС!

МЫСЛИ ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Утром всколыхнулася земля,
Грозно под ногами задрожала.
Палубой большого корабля
Прочная опора наша стала.

Зазвенели стекла бубенцом,
Двери затряслись и распахнулись,
А колени, ставши холодцом,
Ослабели вдруг и подогнулись.

Ну а мы-то думали, что нет
Ничего прочней земли под нами,
И с нее летаем до планет,
На нее надежды возлагаем.

А она способна подвести.
Нам нужна опора понадежней.
Где ж опору прочную найти?
На страницах вечной Книги Божьей!

УТЕШЕНИЕ

Море сегодня туманное, серое,
Как у меня на душе настроение.
Счастье мое, что в Иисуса я верую.
Он и в унынье мое утешение.

Ветер сегодня холодный, пронзительный,
Кружатся листья сухие осенние.
Тихая гавань – объятья Спасителя.
В Нем забываю свои настроения.

Луч из-за тучи прорезался солнечный.
Волны его отразили, как зеркало.
Ласка Иисуса мне душу наполнила.
Дум моих грустных как будто и не было.

СТРАХ И ЗНАНЬЕ

Еловая ветка скребется в окно,
Как будто бы кто-то стучится.
И бледно лицо мое, как полотно,
И сердце трепещет, как птица.

От шорохов внешних тревога в глазах,
Мерещется что-то плохое...
Откуда берется немой этот страх
И это дрожанье глухое?

Но стоит зажечь в своей комнате свет,
Заняться шитьем иль вязаньем,
Сейчас же приходит логичный ответ:
Все страхи у нас от незнанья!

Не знаешь, что ждет за могильной чертой,
И страх тебе душу тревожит.
Не знаешь, что вечный Господь над тобой,
И путь твой неровен и сложен.

Но если прольется евангельский свет
И душу охватит сияньем,
От страхов, тревог вдруг простынет и след.
Ведь страх побеждается знаньем!

«И возвратится прах в землю, чем он и был;
а дух возвратится к Богу, Который дал его».
Еккл. 12:7

ДУХ

Всю жизнь торопились,
Других торопили,
Всю жизнь суетились,
Куда-то спешили
И строили планы
На многие годы,
А жизнь уходила,
Как церковь под своды...
Внезапно сужалась,
Внезапно кончалась,
И то, за что крепко
Руками держалась,
Отдать приходилось ей
Неумолимо!
А дух оставался навеки
Незримо.
Один он был нужен
В последней дороге,
Один сохранял
Нашу память о Боге.
Один он берег нас
От гибели вечной,
Один отвлекал нас
От жизни беспечной.
И мы это знали,
Нам это сказали,
Мы это читали,
Об этом писали
И все ж свою жизнь
Слишком крепко держали!
А главным-то – ДУХОМ –
Мы пренебрегали!

ВЕТЕР

Все имеет в мире цвет и вкус,
Ощутимо все и уловимо,
Только ветер невидим и пуст,
Только ветер пролетает мимо.

Ни схватить, ни языком лизнуть,
Есть он так, как будто его нету.
Может крепким деревом тряхнуть,
Может в космос проводить ракету.

Может листья желтые кружить,
И прическу спутать, как мочалу...
Мы привыкли с ним на свете жить,
Хоть не знаем, где его начало,

Хоть не знаем, где его конец,
И куда он путь свой направляет...
Точно так Небесный наш Отец
Своим Духом души посещает.

Прикоснется нежно и умчит
Невидимкой в вечные пределы,
И сильнее сердце застучит
Запоет, как никогда не пело.

Отчего-то повлажнеет взор,
Легче жить покажется на свете...
Он меня коснулся, и с тех пор
Я люблю неуловимый ветер.

«НЕ БОЙТЕСЬ, ЭТО Я»

Мф. 14:27

Шумело море. На волнах качаясь,
Кренилась набок легкая ладья.
К ней Кто-то шел, спокойно приближаясь,
И голос был: «Не бойтесь, это Я».

«Не бойтесь, это Я», – Он говорит сегодня
Нам со страниц глубоких и святых,
Но многие боятся слов Господних.
О, почему они боятся их?

Ведь там, где Он, там наша, люди, гавань,
Спокойный и устойчивый причал.
Ведь по волнам ходил Он, а не плавал,
И людям говорил, а не кричал.

Не бойтесь, это Он – Спаситель ваш от смерти,
Который на Себя грехи все ваши взял,
На крест пойдя за вас. Поверьте же, поверьте,
Что ради вас Он в муках умирал!

Не бойтесь, это Он, Тот, Кто простил Марию,
Изгнал семь бесов из души ее.
Не бойтесь, это Он – обещанный Мессия,
Понесший на Себе проклятие мое.

«Не бойтесь, это Я», – Он говорит сегодня
Средь бури волн и в ранах со креста.
Поверьте ж, наконец, словам любви Господней,
Не бойтеся принять любовь Христа.

СПАСИБО

Простое, хорошее слово «спасибо».
Кто может его не любить?
Когда-то оно означало «спаси Бог»,
Но это успели забыть.

Хочу возродить этот древний обычай,
Каким бы отжившим он ни был,
И вместо избитых «спасибо» привычных,
Начать говорить всем: «Спаси Бог!»

Коль друг мне сердечный окажет услугу,
Иль родственник в горе помог,
Скажу от души и родному, и другу:
«От горя спаси тебя Бог!»

А если злой недруг поступок позорный
Во тьме для меня приберег,
С улыбкой отвечу ему непритворной:
«Спаси от грехов тебя Бог!»

Желая спасенья всем близким и дальним,
Приду на небесный порог,
Где примет радушно мой дух благодарный
Свершитель спасения – БОГ!

ЗАЩИТНИК

Вода и воздух крошат скалы,
А я, конечно, не скала,
И потому я кров искала
От бурь житейских и нашла.

Нашла надежную защиту.
А без нее хоть пропадай,
Как челн о берега разбитый,
Как в сито влитая вода.

Защитник мой – Отец Небесный –
Земным защитам не чета.
Чем круче скалы и отвесней,
Тем крепче мощь Его щита.

Пусть дунут ветры, воды хлынут,
Пускай дробят гранит и сталь.
Они не в силах с места сдвинуть
Надежность Божьего щита!

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Веками слышится вопрос:
«Скажите, что есть истина?»
«Я – Истина», – сказал Христос.
И слово это истинно!

Раз шел в претории допрос.
Народ кричал неистово.
«Глас слышит Мой, – сказал Христос, –
Тот, кто есть сам от истины».

Такой ответ как будто прост.
Пилат учуял искренность
И все же задает вопрос:
«А что такое истина?»

Так, глядя истине в глаза,
Мы гоним ее истово,
Забыв, что Сам Христос сказал:
«Я – жизнь, и путь, и истина».

СНЕГ НА ГОРАХ

Сегодня на вершины гор
Лег ночью снег.
Казалось, стер он их позор,
Прикрыл их грех.
Зазубрин нет и черноты,
Ни темных ям.
Снег не оставил наготы,
Как древний Хам.
Он все прикрыл и убелил
Своим ковром,
Как будто зло земли залил
Небес добром.
Светло, и чисто, и свежо,
И хорошо!
Неслышно падает снежок,
Как порошок...
Но средство есть еще сильней –
Белит навек
И делает сердца людей
Белей, чем снег.
То жертва чистая Христа,
Его любовь.
Течет с голгофского креста
Святая кровь!

СВЕТ И ТЕНЬ

Свет и тень на горах по утрам,
И в полуденный час, и под вечер.
Свет и тень и во мне пополам.
Переход только мною замечен.

Вот вчера еще смех собирал
Вокруг глаз, как на нитку, морщинки,
А сегодня, искрясь, как кристалл,
На ресницах сверкают слезинки.

И душа переходит черту
По известному мне лишь сигналу.
Свет горел и внезапно потух,
Тень неслышным легла покрывалом.

Если радует что-то одно,
То другое до слез огорчает,
Потому то светло, то темно
В моем сердце, родные, бывает.

Так, наверно, дойду до конца,
До последнего в жизни предела.
Свет и тень не встревожат лица,
Не изменят уснувшее тело.

И когда совершу переход
В ту страну, куда сердцем стремлюся,
Всю меня тогда светом зальет
От сияния славы Иисуса.

Я забуду навеки про тень,
Мне ничто не нарушит покоя...
Вечный Бог! Вечный свет! Вечный день!
Мне во сне только снится такое.

«К Богу должно говорить:
„Я потерпел, больше не буду грешить.
А чего я не знаю, Ты научи меня; и если
я сделал беззаконие, больше не буду“».
Иов, 34:31,32

ЕСТЬ...

Есть узлы, которых не развяжешь,
Есть пути, которых не пройдешь,
Тайны есть, которых не расскажешь,
Песни есть, которых не споешь.

Горе есть, которое скрываешь,
Радость есть, которую таишь,
Слезы есть, которые глотаешь,
Думы, от которых плохо спишь.

Чувства есть, которых не желаешь,
Речи есть, каких не говоришь,
Вещи, о которых лишь мечтаешь,
Люди, пред которыми дрожишь.

Но Христос узлы мои развяжет
И со мной пути мои пройдет,
Тайны все душа Ему расскажет,
Песни все она Ему споет.

Горе все она Ему откроет,
Радость всю она разделит с Ним.
Он Один поймет и успокоит,
Он не зря стал Господом моим.

МОЛИТВА

Из размяклой земли легче вырвать бурьян,
Из размяклой души легче вырвать плохое.
Размягчи мою душу и вырви изъян,
Сделай мягким, податливым поле сухое.

Разрыхли, ороси благодатным дождем,
Положи в него чистое семя живое.
Охраняй от врагов его ночью и днем,
Отгоняй от него воронье полевое.

Знаю, Боже, чтоб почву души размягчить,
Нужен плуг и нужны борона и лопата.
Знаю, сердце мое будет кровоточить,
Как Твое на кресте на Голгофе когда-то.

Но из мягкой земли легче вырвать бурьян,
И из мягкой души легче вырвать плохое.
На взрыхленных Тобою сердцах христиан
Пусть плоды принесет Твое семя живое.

КТО Я?

«Несправедливость жизни!» – я кричала
И, негодуя, громко возмущалась
Тем, что меня не поняли, забыли,
Мой труд не по заслугам оценили,
Обидели, лишив достойной славы...
Как все несправедливы и не правы!
Меня! Меня! Обидели меня!
И вдруг вопрос: «А что такое я?»
Что я за птица или что за цаца,
Что все должны со мною здесь считаться?
Ведь не таких, как я, нещадно били,
Изгнали, осмеяли, оскорбили,
Не оценили и оклеветали
И честное их имя в грязь втоптали.
Они несли полезное, святое,
И в массе мир подошвы их не стоил.
А я в грехах от головы до пят,
Но чувства к справедливости вопят.
И гасит горечь мирный дух прощенья,
И в сердце шевелится змей отмщенья...
И тут встает перед глазами профиль
Того, Кого распяли на Голгофе.
Висит Он на пронзенных сухожильях
И шепчет что-то, делая усилье.
Чело в проколах, частых и глубоких,
Глаза полузакрыты, впали щеки
В плевках засохших, что смешались с кровью,
А Он глядит на палачей с любовью
И просит нежно: «Отче, им прости,
Не знают Твоего они пути»...
Когда я услыхала этот голос,
Мое негодованье раскололось!
И я теперь сама себя стыжусь:
Неужто я безгрешней, чем Иисус?

ДОРОЖНЫЕ МЫСЛИ

«Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать».
Мф. 12:50

Сухой кустарник у дороги,
Столбов неисчислимый ряд...
«Мы только люди, а не боги», –
Друзья частенько говорят.

И я, об этом рассуждая,
В машине мчусь куда-то вдаль,
Ногой усталой прижимая
Автомобильную педаль.

«Мы только люди, а не боги»...
И все ж себя не похвалю
За то, что избранных немногих,
А не подряд людей люблю.

Не похвалю за слабость воли,
Не извиню «невинный» грех
Тем, что хромаю «поневоле»,
Тем, что «я только человек».

И мысль пришла в конце дороги,
Где расступилися столбы,
Что братья Сына Божья – боги,
А не сыны слепой судьбы.

РАЗГОВОР С БОГОМ

И все-то Ты терпишь, и все-то Ты сносишь!
Провины мои на Голгофу уносишь,

И там их опять и опять оставляешь.
Ты их распинаешь, ты их убиваешь,

А я их опять и опять воскрешаю
И делу святому тем только мешаю.

Своими грехами, своими слезами,
Своими бесстыжими, злыми глазами

Как смею смотреть в Твои светлые очи?
Прости меня, Отче, прости меня, Отче!

Я сердцем прощенье Его ощущаю
И слышу душою: «Прощаю... прощаю...

Но только иди и вперед не греши,
Не пачкай очищенной Мною души».

ЕСЛИ ДУМАТЬ...

Если думать только хорошее,
Если видеть только прекрасное,
Легче будет с житейской ношею
По дорогам земным странствовать.

Если тучи на небе черные,
Если думы на сердце серые,
Вспомни ткань из лучей парчевую,
Вспомни почки на ветках первые...

Если люди полны враждебности,
Если планы у них зловредные,
Вспомни очи, полные нежности,
Вспомни руки Христа милосердные.

Если рвы пред тобой широкие,
Если горы непроходимые,
Вспомни: ангелы светлоокие
Сохраняют нас невредимыми.

Если смерть над тобою скалится,
Если дух замирает в теле,
Вспомни: имя Христово славится,
Если славишь Его на деле.

В человеке ищи хорошее,
В каждом сердце ищи прекрасное,
И нетрудно с житейской ношею
По земле тебе будет странствовать.

«ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ...»

1 Фес. 5:18

«За все благодарите...» Боже!
Уж не ошибка ль тут какая?
Когда тоска нам сердце гложет,
Благодарить не умолкая?

«За все благодарите...» Боже!
Ты никогда не ошибался.
Ты хочешь, чтоб земной прохожий
Благодарил и улыбался?

«За все благодарите...» Боже!
За доброе – еще понятно.
Благодарить за злое тоже
И тяжело, и неприятно.

Благодарить, когда обидно
И слезы давят спазмой горло,
Когда на нас глядят ехидно
Глазами острыми, как свёрла?

Когда ближайшие из близких
Не верят больше нам на слово
И за спиною нашей низко
На клевету и зло готовы?

Благодарить, когда недуги
Одолевают ежечасно,
Когда дела не только туги,
А просто-напросто ужасны?

«За все всегда благодарите...»
Кому сказал Ты это, Боже?
Тобою избранной «элите»,
Тем, кто вместить такое может.

Искупленным Твоею кровью
Сказал слова Ты эти мудро.
Исполненным к Тебе любовью
Понять легко их, а не трудно!

Что наши временные слезы
В сравненье с будущею славой?
Обиды, горести, угрозы –
НИЧТО во время переправы!

Нам берег виден в отдаленье.
Там нас Спаситель ожидает,
Открыв объятья с нетерпеньем...
Глядишь – и сердце замирает.

Он нас от ада спас навеки!
И потому не говорите,
Что бурны и опасны реки, –
Плывя по ним, благодарите!

Опасней вечная погибель,
Страшнее вечность без спасенья!
Извилист путь наш, но изгибы
Имеют смысл и назначенье.

Все, что случается в дороге,
Конечной, славной цели служит:
Ухабы, кочки и отроги,
Колдобины, канавы, лужи...

Ты не ошибся, мудрый Боже!
Ты прав. Ты прав, о наш Спаситель!
И вызывают дрожь по коже
Слова: «За все благодарите...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Добро и зло – реальность, не мираж!
Запретный плод посередине рая,
Сорвав, несешь, от зорких глаз скрывая,
А тяжесть, брат, несносная такая,
Как будто грех несешь не твой, не ваш,
А всей земли, в мученьях умирая.

И сладость запрещенного горька,
Оскомину надолго оставляет,
И жизнь в кошмар какой-то превращает –
Душа себя ругает, укоряет
И просит дуновенья ветерка
Такого, что все злое прогоняет.

Не знать бы зла, а знать добро одно!
Ведь в том вся тайна счастия зарыта,
Чтоб делать все спокойно и открыто,
А не исподтишка, со страхом, скрыто...
Добро, что паутиной лжи обвито,
Не есть добро. Почто же нам оно?

Оно своей улыбкой лживой нас
Заманит в западню и там погубит.
Мы будем проклинать тот день и час,
Когда мы, исчерпав всех сил запас,
Лжи уступили... только один раз...
Но больше раза голову не рубят.

КОМУ РАССКАЖУ?

Стою я на пристани долго в раздумье одна,
Лишь ветер соленый и хмурое море со мною,
И серая зыбь, как морщины на коже слона,
Вздымаясь, растет, становяся прозрачной волною.

У берега пена несется навстречу песку,
Скрывая ракушки и пряча капусту морскую.
Вот так бы упрятать хотелось мою мне тоску.
Пусть Бог только знает о том, что я сердцем тоскую.

Кому расскажу? Кто поймет эту грусть и тоску?
Не скажет ли каждый: «Тебе ль тосковать и томиться?»
Я ветру о том расскажу, и волнам, и песку,
И с пальмами стройными думами буду делиться.

О чем я тоскую? О том, что не та я, не та,
Какой бы мне быть полагалось по долгому стажу,
О том, что победная жизнь, как и прежде, мечта...
И я, как и прежде, не в цель попадаю, а мажу...

А время летит, как пропитанный брызгами шквал,
И годы, как волны, как быстрые крылья у чаек,
И близок, как эта вот пристань, последний причал...
Я ж вечность почти что с пустыми руками встречаю!

КЛЕВЕТА

Туманом сизым клевета
Ползет, к земле прижата.
Ее впускают тут и там,
Хоть злом она чревата.

Она порочит имена,
Плюет святыне в очи,
Но принимается сполна,
Как список полномочий.

А правда скромненько молчит,
Застенчиво краснеет.
Оправдываться не спешит,
Буянить не умеет.

Её и лучшие друзья,
Пожалуй, не проверят:
«Всему же верить ведь нельзя».
Но клевете поверят.

Так до кладбищенской плиты
Она тянуться может.
Избавь меня от клеветы,
Прошу, избави Боже!

НЕ СУДИ

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот плетется по дороге нищий.
Ты по нем от жалости рыдаешь,
Он же прячет нож за голенищем.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот живет в дворце своем богатый.
Ты в уме добро его считаешь,
А ему темно в его палатах.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот у брата на лице веселье.
Ты, ему завидуя, вздыхаешь,
Он же ночь проплакал на постели.

Не суди о том, чего не знаешь.
Вот лицо суровое у брата.
Ты его за это порицаешь,
У него ж душа мягка, как вата.

Не суди о том, чего не знаешь.
Всех люби, о всех молись сердечно.
Ты сейчас всего не понимаешь.
Все тебе откроет только вечность.

РАЗДУМЬЯ

И тебе жизнь подрежет крылья,
Не порхай так легко, беспечно.
Города засыпает пылью.
Ничего на земле не вечно.

Раскопают нас, как Помпеи,
И очистят от наслоений,
Создадут о нас эпопеи
Из своих фантастичных мнений.

Наши мысли в словах и строчках
Растолкуют, как им взбредется,
И в числе поставивших точку
Нас понявшего не найдется.

Ты твори, прилагай усилье
Так, чтоб в память векам оставить,
А века покрывают пылью
Города, и тебя, и память.

ТРОПЫ

Иногда мои земные тропы
Тупиками темными кончались.
Наставлял меня там горький опыт,
Выводили скорби и печали.

Я молилась и кричала громко,
У Отца чудесного просила.
Он же отвечал мне, как ребенку,
И не чудо мне давал, а силу.

Силу принимать не то, что просишь.
Силу верить в то, что в этом благо.
Силу, покорившись, жить попроще
И считать, что в этом есть отвага.

Но порою иссякала сила...
И в такие слабые минуты
Я опять чудесного просила,
И опять Он тропы мои путал.

МЫСЛИ О ГИТЛЕРЕ

Я уверена – наказание
Он свое сполна получил:
Потерять не может сознания,
Память вычеркнуть нету сил.

И стоит он, угрюмый и жалкий,
На руках крови жертв следы,
Трет усиленно их мочалкой,
Но нигде не находит воды...

А просить уже больше некого.
Глух к молитвам убийцы Бог.
Дикий вопль возвращается эхом,
Бьет по слуху и валит с ног.

И раскатистый хохот диавола
С теми воплями слит в одно.
Вечность стражу к дверям приставила
И захлопнула к Богу окно!

МОЛИТВА О ДРУЗЬЯХ

Когда молился Иов о друзьях,
Тогда Господь воздал ему сторицей.
Когда ж последний раз молилась я
О тех, о ком не хочется молиться?

Когда молилась я последний раз
О тех, кто бок о бок со мной ходили,
Но чей язык и слишком зоркий глаз
Во мне одно плохое находили?

Мне легче помолиться за врага,
Невидимого, призрачно чужого,
А о друзьях вот здесь, в моих кругах,
В молитве часто не находишь слова.

Но Иова терзали не враги,
Его друзья по дружбе допекали.
За все слова, за все его шаги
Они его беззлобно упрекали.

И горько было Иову от них,
От этих наставлений и советов.
Он возмущался, а потом притих,
Не защищался больше от наветов.

И по совету Бога о друзьях
Смиренно и от сердца помолился.
Словами описать того нельзя,
Как быстро он своей беды лишился.

Замолкли сердобольные друзья,
Душа страдальца ввысь рвалась, как птица.
Когда ж последний раз молилась я
О тех, о ком не хочется молиться?

ПОД ДОЖДЕМ

Я гляжу на жизнь проще,
Чем глядела когда-то.
Пусть прическу топорщит
Ветер задирковатый.

Пусть промочит мне дождик
Ноги, плечи и спину.
Не возьму с собой зонтик
И плаща не накину.

Словно детские игры,
Пребыванье земное.
Стану прямо на иглы
Под шумливой сосною.

Подниму кверху руки,
К небу, к тучам лохматым.
Примет Бог мои звуки
Слов незамысловатых.

Понесу домой шишки,
Как девчонка, в подоле,
И восторга излишки
Подарю ветру в поле.

Я поведаю роще,
Чем живу, чем богата,
Что гляжу на жизнь проще,
Чем глядела когда-то.

ТОЛЬКО В МОЛИТВЕ

Проходит вся жизнь, как по бритве,
По узенькой линии тонкой...
И только в молитве, да только в молитве,
Ни шума, ни спешки, ни гонки.

Проходит вся жизнь, словно в битве,
В пылу и разгаре сражений.
И только в молитве, да только в молитве,
Покой от душевных брожений.

Проходит вся жизнь, как по плитам,
Холодным, бездушным, могильным.
И только молитва, да только молитва,
Дух делает бодрым и сильным.

По жизни, слезами залитой,
Идем, улыбаяся браво.
И только в молитве, да только в молитве,
На счастье находим мы право.

Душа, что к Иисусу привита,
Поет и в беде величаво.
И только в молитве, в глубокой молитве,
Несет Ему почесть и славу!

ПРОСТИ

Короткое, двусложное «ПРОСТИ»
Бывает тяжелей подъемов горных.
Как тяжело его произнести!
Как часто застревает оно в горле!

Но с ним связал прощение Свое
Отец Небесный и Творец прощенья
Прощает прегрешение твое,
Когда другим прощаешь прегрешенья.

Еще в раю, где согрешил Адам,
Приняв жены пустые заверенья,
Отец любви «прости» за них сказал,
Принесши жертву умилостивленья.

А на кресте кровавое «ПРОСТИ»
Сказал Собой Отцу за нас Спаситель.
Весь грешный мир в Иисусе Бог простил,
А вы принять прощенье не хотите?

Не давит грех? Еще не надоел?
Иль на себя надежду возложили,
На шаткую опору «добрых дел»,
На временное, что сгниет в могиле?

Но если тяжело тебе в пути
И со грехом бороться нету силы,
Приди к Христу, скажи Ему «прости»,
Его любовь тебя уже простила.

Скажи «прости», перебори себя,
Всем обижающим скажи «прощаю».
Спаситель ждет. Он умер за тебя,
Скажи ж Ему «прости», я умоляю.

«Учитель, какая наибольшая заповедь в законе?» «Иисус сказал ему: „Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и всем разумением твоим... Возлюби ближнего твоего, как самого себя“»... *Мф. 22:37, 38.*

«ЛЮБИШЬ ЛИ МЕНЯ?..»

Я поняла за много лет
Хожденья со Христом,
Что жизни истинной секрет
В вопросе скрыт простом.

Что от ответа на него
Зависит все и вся.
Не отвечая ничего,
Не буду знать, кто я.

Не буду знать, куда иду
И для чего живу.
Душе покоя не найду,
Цепей не перерву.

Вопрос тот задан был Петру
У моря на камнях.
Господь спросил, склонясь к костру:
«Ты любишь ли Меня?»

Он трижды это повторил,
Петр трижды отвечал...
И здесь мерило всех мерил,
Начало всех начал.

Я сердцу задала вопрос:
Люблю ли я Его?
И для чего молюсь до слез,
Тружуся для чего?

Кому служу, за кем иду,
Чьей похвалы ищу?
И у кого на поводу
Свой груз с трудом тащу?

И снова «Любишь ли Меня?»
Врезается в мозги...
О Боже, не щади огня,
Насквозь меня прожги!

И пусть от боли закричу.
Очищуся до дна.
И пусть пойму, что «я хочу»
Важней, чем «я должна».

Что из любви свершенный труд
Ты только признаешь.
Вопрос, что задан был Петру,
И мне Ты задаешь.

Ты знаешь, что не избегу
Очей Твоих огня.
Нигде укрыться не смогу
От «Любишь ли Меня?»

И мне смущение Петра
Знакомо, как ладонь.
Прохлада раннего утра,
И берег, и огонь...

Вопрос тот, душу теребя,
Меня к Тебе влечет.
Ты знаешь, что люблю Тебя,
Ты знаешь все, Господь!

ЧТО ЕСЛИ?

Господь говорил: «Я иду приготовить вам дом,
Чтоб там, где Я буду, и вы навсегда со Мной были».
И заповедь новую дал, чтоб друг друга любили,
Чтоб не было тесно нам там, где мы будем потом...

Он нашу природу уже на земле возродил
И времени уйму нам Сам уделил для раздумий,
Чтоб каждый мозгами прикинул и крепко продумал,
Что в вечность пойдет с ним тот брат, что здесь рядом ходил.

И если нам трудно ужиться с ним здесь, на земле,
И кажется нам, что служенье его неуместно,
Боюсь, что в обителях неба нам будет с ним тесно,
Боюсь, что нога наша не на Христовой скале.

Так труден наш путь! Нас друг другу Христос поручил,
Чтоб брату мог брат помогать к светлой цели добраться,
Чтоб слабому сильный помог при паденье подняться,
Чтоб слезы отер, чтобы руки свои подложил...

Хрупка наша жизнь! Может, завтра туда перейдем,
Где ждет нас Спаситель в обителях вечных, желанных.
Быть может, мы брату чинили здесь зло постоянно.
Что если его там в объятьях Иисуса найдем?

НАУЧИ

Стройный, молодой, широкогрудый
Любящий Христос
Молча принял поцелуй Иуды,
Тот, что смерть принес.

Молча принял Ирода угрозы,
Плети и допрос.
И пошел по улочкам раскосым,
Тяжкий крест понес.

Умирал без ропота и плача,
Смерти Сам хотел.
И считал, что жизнь была – удача:
Все свершить успел!

Гром гремел, и впитывала глина
Алые струи.
Распустила тихо Магдалина
Волосы свои.

Ради Магдалин и Вартимеев
Столько перенес!
Мы ж любить друг друга не умеем –
Научи, Христос!

ЧАСЫ И ГРЕБНИ

У девушки была коса густая.
Жених любил волос ее каскад.
Когда она косу переплетала,
Коса вдруг становилась покрывалом,
В роскошный превращалася наряд.

У жениха сокровищем бесценным
Были отца покойного часы.
Он при себе носил их неизменно,
Берег, как память, трепетно, священно,
Любил не меньше девичьей косы.

На Рождество из платины цепочку
Купить решила девушка к часам.
Где денег раздобыть крестьянской дочке?
Ходила, волновалась днем и ночью,
А на плече искрилася коса.

Под праздник утром, рано на рассвете,
Ушла из дому от родных тайком.
Вернулась в полдень. Мало кто заметил,
Что взор ее загадочен и светел,
А голова повязана платком.

Вот к вечеру пришел жених на ужин.
Святой был вечер. Рождества канун.
Глазами встретил, а она потуже
Платок стянула... «Будто он ей нужен», –
Подумал он и сверток развернул.

Подарок был на самом дне пакета:
Четыре гребня, сложенных в рядок.
Их украшали камни-самоцветы...
«Вот, милая, возьми же их себе ты».
Но тут на плечи соскользнул платок...

Она цепочку милому купила за волосы,
И больше нет косы.
Она его сильней себя любила,
А он ее любил и ради милой
За гребни отдал ценные часы.

Любовь не вопрошает: сколько стоит?
Не рассуждая долго, все дает.
Любовь Христу слезами ноги моет
И миро ароматное, густое
На голову и ноги щедро льет.

Жених Небесный отдал жизнь в мученьях,
В любви простил, омыл и спас меня,
А что даю Ему за дар спасенья,
За светлую надежду воскресенья?
Что за любовь отдать готова я?

«НО ЛЮБОВЬ ИЗ НИХ БОЛЬШЕ...»

Вера верит в то, чего не видит,
И надежду бережет в груди.
А любовь их греет и обиде
Говорит с улыбкою: «Уйди».

Бережет, заботится, лелеет
Младших эта старшая сестра.
И глядят уверенней, смелее
Сестры в ожидании утра.

Утром оправдается надежда,
Вера все увидит и умрет.
А любовь, сильнее став, чем прежде,
Двух сестер своих переживет.

ЕЩЕ О ЛЮБВИ

Мы много в собраньях своих о любви говорим,
И слово «любовь» так легко произносим при встречах,
Но мало кто любит людей, как Спаситель любил,
И с Божьей не может сравниться любовь человечья.

Любовь – это в первую очередь жертвенность, брат,
Способность отдать, уступить, своим «я» поступиться.
Ты жаждешь, уста и гортань пересохли, горят,
А ты свою воду отдай, чтоб другому напиться.

Мы слово «любовь» опошлили, свели до нуля.
Друг другу легко признаемся в любви при свиданьях.
Но мало слова наши ближним такого сулят,
На что положиться могли б они в горьких страданьях.

Нам выгода личная выше, дороже всего –
Почет, положенье, молва, популярность людская.
Мы недруга даже способны любить своего,
Да только любовь-то у нас не такая.

Не та, что дает, ничего не желая взамен,
Не та, что, прощая, не помнит того, что простила,
Не та, что в молитве своих не жалеет колен,
Не та, что врагам за «незнанье» прощенья просила.

Зачем это слово впустую склонять и спрягать
И Бога гневить пустословьем своим многословным?
Ведь Бог есть Любовь, и Ему ли возможно солгать?
К Нему ль подойдем со своим суррогатом любовным?

Зачем нам звучать, как кимвал, и звенеть, словно медь?
Любви настоящей источник открыл нам Спаситель.
Пить воду Его – это значит любовью гореть.
Идите же, братья, к любви роднику и ЛЮБИТЕ!

БЕСПОКОЙНЫЙ ДРУГ

На крыше дятел по утрам
Стучит по доскам клювом жестким,
Такой поднимет тарарам,
Что эхо бьет по всем дворам
И сон бежит, как конь от плетки.

Плутишку б надо поругать,
Прогнать в три шеи с нашей крыши.
Но сын сказал: «Не нужно гнать,
Букашек будет поедать».
И дятел словно это слышал.

Долбит, как будто приглашен
На крышу к нам сынишкой нашим.
Сын с шумом свыкся. Оглушен
Гитарою своею он.
И дятла стук ему не страшен.

А нам хоть уши затыкай
Или беги, где дятлов нету.
Муж утешает: «Привыкай!
Ко мне ж привыкла и пускай
Привыкнешь слушать птицу эту».

Когда ж почти привыкла я
И успокоилась немножко,
Умолкли трели «соловья»
(Так дятла прозвала семья)
Над нашим спаленным окошком.

И как-то грустно стало вдруг,
Неловко, пусто и уныло...
И шумный, беспокойный друг,
Покой тревоживший вокруг,
Нам показался даже милым.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Его с утра знобило и морозило,
Бросало то в холодный пот, то в жар,
Он жажду утолял микстурой розовой,
И под двумя перинами дрожал.

Дробь отбивали зубы лихорадочно,
В глазах мелькали красные круги,
Сухие губы шепотом упадочным
Кому-то говорили «помоги».

Он жил один, от всей родни оторванный,
И если б не хозяйка «номеров»,
Здесь не было б перин вот этих порванных,
Микстуры и заботы докторов.

Простая женщина и не претенциозная,
Без дутых фраз и философских слов,

Увидев, что болезнь его серьезная,
Позвала двух знакомых докторов.

И с видом деловой необходимости
Взвалила две перины на него.
Она, как с самым близким, обходилася
С чужим жильцом жилища своего.

Все это совершала непосредственно,
Непринужденно, мило, хорошо...
И протянулась нить любви естественно
Между мужской и женскою душой.

Через неделю он гулял, шатаяся,
Рукой опёршись о ее плечо,
И если взгляды их порой встречалися,
Руке вдруг становилось горячо...

ЛЮДИ

Мне сказали, что люди жестоки и злы
И людей не отыщешь хороших
Так, как в стоге соломы не сыщешь иглы,
Как тропинку не сыщешь в пороше.

Мне сказали: бояться не нужно зверей.
Звери много добрее, чем люди.
Нету твари вредней и опасней людей –
Каждый жест подозрение будит.

Я почти что поверила этим словам
И решила, как ежик, свернуться,
Чтоб колючие иглы достались друзьям,
Если только ко мне прикоснутся.

Но... пришел человек с нежной лаской в глазах,
И мне стало яснее, чем ясно,
Что неправду о людях мне кто-то сказал.
Посмотрите: ВСЕ ЛЮДИ ПРЕКРАСНЫ!

НЕПОВТОРИМЫЕ

Говорят – мы все заменимы.
Я согласна с молвой такой
И со смертью неумолимой,
Что крадет наш ночной покой.

Говорят – мы все пилигримы,
Что куда-то толпой идут.
Мы судьбы одной побратимы,
Крылья времени нас несут.

Говорят, что мы все любимы
Кем-нибудь и когда-нибудь.
Рано ль, поздно ль найдем в пути мы
Луч любви, преградивший путь.

Говорят – мы несокрушимы,
Если в Боге покой нашли,
И душою невозмутимы,
Если в жизни к Христу пришли.

Но среди этих заменимых,
Сокрушимых, несокрушимых,
Возмутимых, невозмутимых,
И любимых, и нелюбимых
Я встречала НЕПОВТОРИМЫХ!

БЕЗ ЛЮБВИ...

Солнца луч цветы в бутонах будит,
Расцветает от тепла цветок.
Мы – никто, пока нас не полюбят.
Если мы не любим, мы – никто!

Если б пчелка звонко не жужжала,
Соты в ульях были бы пусты.
Если б мать ребенка не держала,
Не было бы в мире красоты.

Одиноко там и сиротливо,
Где любовь приюта не нашла.
Человек не может быть счастливым,
Если в сердце к ближним нет тепла.

Без любви чужой земля б нам стала,
Слишком долгим был бы жизни срок.
Не было б прощаний на вокзалах,
Не было бы чтенья между строк.

Без любви единственным ответом
Был бы смерти роковой порог.
Но она сияет ярким светом,
И мы знаем, что любовь есть Бог!

Это Он цветы в бутонах будит,
От Его тепла цветет цветок.
Мы – никто, пока нас не полюбят.
Если мы не любим, мы – никто!

ЗОВ О ПОМОЩИ

Сама тону... Сама из узкой проруби
За скользкий край цепляюся рукой.
Сама едва иду с осанкой сгорбленной,
Сама почти утратила покой.

Но вот из тьмы чужой души доносится
До слуха зов: «Спаси от злых стихий!
Я погибаю, мучает бессонница,
Спать не дают грехи мои, грехи!»

И я в ответ, забыв свое страдание,
Спокойно говорю: «Я помогу...»
И назначаю поскорей свидание,
Навстречу брату не иду – бегу!

И чувствую, как силы прибавляются,
Что их, пожалуй, хватит на двоих...
Его глаза мне тихо улыбаются,
Я благодарность сердца вижу в них.

Не говорю ему, что, погибающий,
Он спас меня от бездны подо льдом,
Что он помог мне, в горе утопающей,
И спас меня своей большой бедой.

Я ЛЮБЛЮ СТАРИКОВ

Я люблю стариков,
Их годами согбенные плечи
И осанку с наклоном вперед,
Серебро в волосах
И в глазах огоньки, словно свечи,
Что погаснут вот-вот...

Я люблю стариков,
У которых в душе сохранилось
Все, чему их учили отцы,
Что учило их жить
И так крепко их сердцу привилось,
Что остались рубцы.

Я люблю стариков,
Не брюзжащих, сварливых, угрюмых,
Оттого что их «била судьба»,
Но глядящих вперед
С затаенною тихою думой
Под морщинами лба.

Я люблю стариков,
Их степенную неторопливость,
Их уменье вполне отдыхать,
Их молитв прямоту,
Слов разумных святую красивость
Я хочу перенять.

Я люблю стариков,
Совершивших земное скитанье
Там, где след был оставлен Христов.
Я учуся у них
И ценю их уменье и знанье.
Я люблю стариков!

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Для одного готов в огонь и в воду,
Последнюю рубашку с плеч долой!
Другого ж в дом не пустит в непогоду
И разразится на него хулой.

Знакомой даме преподнес конфеты,
Букетик роз к ним присовокупив,
Другому ж ни ответа, ни привета,
Проходит мимо, нос отворотив.

Да что ж это за двойственность такая –
Деление людей на «нас» и «вас»?!
Как хорошо, что, в муках умирая,
Христос и нас, и вас от смерти спас!

Он всех любил, греху не потакая,
И всем готов был помогать в беде.
Как хорошо, что двойственность людская
Чужда была Спасителю людей!

ВЕРА, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ

Когда тоска крадется, как пантера,
И кажется, того гляди, проглотит,
Тогда на помощь прибегает вера,
Любовь и упование на что-то.

Без упованья, без надежды светлой,
С тоски взаправду можно удавиться.
Вот почему так часто в жизни этой
Тоскливые встречаются нам лица.

В глазах у них растерянность, волненье,
Испуг таится в уголках прищура.
А спросишь: «Как живешь?» – «Мое почтенье,
Живу, как все», – ответят насмех курам.

Как все? Но все ли в страхе прозябают?
У всех ли так тоска из взора брызжет?
Иные все встречают улыбаясь,
Хотя живут в условиях таких же.

И к ним тоска крадется, как пантера,
И кажется, того гляди, проглотит.
Они же прогоняют ее верой,
Любовью и надеждой на Кого-то.

ЛИЛОВЫЙ ДОЖДЬ

Лиловый дождь из мягких, бархатистых
Цветочков джакоранды перед домом.
Бесшумный дождь под ясным небом, чистым,
Душистый дождь из «капель» невесомых

На голову мне падает и плечи,
Машину, как для свадьбы, украшает;
Красноречивей самой сладкой речи,
Смягчает боль и душу утешает.

Я вглядываюсь в этот дождь лиловый,
Его прикосновенье принимая.
О, как похож он на любовь Христову,
Которая без слов нас понимает;

Которая в момент наш самый темный
Бесшумно проливается на душу
Бальзамом ей для боли неуемной,
Дождем, Его велениям послушным.

«Итак, слушайте, женщины, слово Господа, и да внимает ухо ваше слову уст Его».
Иер. 9:20

В ДЕНЬ МАТЕРИ

Этот день людьми отмечен.
Мать сегодня вспоминаем.
Мать! Кто может быть дороже?
Кто нам ближе и приятней?
У меня есть мать-старушка.
Мудрость, опыт, близость к Богу
Сочетаются в ней просто,
Гармонично и красиво.
Есть, возможно, недостатки,
Как у всех, конечно, смертных.
Но за массой преимуществ
Их найти не удается.
Мать МОЯ — звучит прекрасно!
Ну, а я-то тоже чья-то
Мать и бабушка, подите!
В этот праздник материнский,
Мать свою не забывая,
Я решила присмотреться
И к себе немного зорче.
Стала матерью давно я,
Стала бабушкой недавно.
Но понять бывает трудно:
Я детишек воспитала?
Или дети воспитали
Мать в ее несовершенстве?
У детей почти с пеленок
Разных уймища вопросов.
Как ответить? Мать – за книгу,
Мать бежит в библиотеку!

Бог, Христос, молитва, церковь...
«Мам, скажи нам ВСЕ об этом!»
Мать за Библию садится,
Мать склонилась на колени,
Ночью молится усердно,
Просит мудрости Господней.
Мама слово не сдержала,
Мама правду исказила,
Мама слишком чепурится,
Тетю Маню осудила...
И под зорким наблюденьем
Глаз, не знающих пощады,
Мама сдерживала слово,
Мама правду говорила,
Мама меньше чепурилась,
Мама тетю не судила.
Праздник матери сегодня.
Дети, внуки маму хвалят:
«Ты нас, мама, воспитала,
Мы пришли сказать спасибо».
Мама в сторону тихонько
Отвела глаза и слезы
Незаметно проглотила:
«Кто кого, мои родные, воспитал,
Пусть Бог рассудит».
Но, чтоб не было обидно,
Скажем честно: воспитанье
Было очень обоюдным
И взаимно плодоносным!

НЕ РАБОТАЕТ

Она встает обычно на заре
(У матерей пристрастие такое),
Чтоб завтрак приготовить детворе,
Вознею никого не беспокоя.

Неслышной тенью подойдет к плите.
Размеренным движеньем шкаф откроет.
И смотришь: бутерброды для детей
Из-под руки выходят ровным строем.

Семью разбудит вовремя она.
Детей отправит в школу. На работу
Отправит мужа... И опять одна
Несет свою домашнюю заботу.

Уборка, стирка, глажка... И всегда
Младенец на руках, иль под ногами
Все в рот себе пихает, как удав,
Все тянет на себя на горе маме.

Она всегда внимательно следит
За каждым шагом малого сынишки.
Упал! Ушибся! Чтобы боль смирить,
Ему целует синяки и шишки.

Семью спешит обедом накормить.
Урок зубрить она же помогает.
Того погладить, а того побить,
А третьему нотацию читает.

А ночью, чтобы всем спалось теплей,
Чтобы нигде ничуть не поддувало,
Она рукой заботливой своей
Потуже подтыкает одеяло.

Сгребет ладошки теплые детей
Рукой неутомимою своею,
Молитву учит повторять за ней,
И повторяют малыши за нею.

Но день еще не кончен для нее:
Ботинок ряд ждет ежедневной чистки,
Корзина, где починка и шитье
Растут, как тесто дрожжевое в миске…

Во сне и то все время начеку.
Чуть кто не так дохнул, и ей не спится.
А утром на ногах с «ку-ка-ре-ку»,
И снова колесо пошло крутиться…

На службе мужу зададут вопрос:
«А что, жена работает ли ваша?»
«О, что вы, нет! – ответ до смеха прост, –
Она хозяйством занята домашним!»

РАССУЖДАЯ ПО-ЖЕНСКИ

Я с детства не люблю военщины.
В ней дым пожаров, запах крови,
И сердцем матери и женщины
Я с ней связала вопль вдовий.

Я с ней связала слезы матери,
С женой прощанье на рассвете,
И воду с кровью в мелком кратере,
Что стал могилой чьим-то детям.

Я с ней связала очень многое,
Что вызывает дрожь по телу.
Ее лицо сурово-строгое
Нигде бы встретить не хотела.

Мне ее «удаль молодецкая»
Страшнее водородной вспышки
С тех пор, как над улыбкой детскою
Пушок пробился у сынишки.

РИЦПА

2 Цар. 21:1–16

Семерых повешенных качая,
Ветер плакал жалобно о них.
Разостлала вретище дочь Айя
Рицпа – мать повешенных двоих.

День и ночь сидит у страшной сцены,
Изнуряет днем ее жара,
Ночью сна лишает лай гиены,
Вой шакалов мучит до утра.

Жалкая, согбенная старуха –
Бывшая наложница царя.
Злая весть достигла ее слуха,
На горе сидит она не зря.

За ничто погибли оба сына –
В умилостивление врага.
У подножья виселицы длинной
Матери и смерть их дорога.

Обесчестил враг тела сыновьи –
Память об их царственном отце.
Проливает Рицпа слезы вдовьи,
Но решимость на ее лице.

Пусть смеются над ее позором
Те, кому беда ее смешна.
Мать обходит бдительным дозором
Виселицу день и ночь без сна.

Отгоняла хищников руками,
Берегла казненные тела...
Долг любви, как долг последний мамин,
Детям своим Рицпа отдала.

И когда благословенья воды
На тела казненных Бог пролил,
Царь, что выдал их врагу в угоду,
С честью кости их похоронил.

О любовь, не знающая меры!
Ты смогла растрогать и царя.
Этот дар любви, надежды, веры
Бог земным вручает матерям!

ИЕГОВА-ИРЕ́ –
БОГ УСМОТРИТ

Почему-то печально лицо Авраама с утра,
Почему-то ложбинка легла меж густыми бровями.
Ночь провел на дворе, пренебрегши уютом шатра,
И тревожно шумел над ним дуб на рассвете ветвями.

Все в дорогу собрал. Погрузил на осленка дрова,
Разбудил не спеша, гладя нежно рукой, Исаака.
Мать велел не будить... Но седая его голова
Как-то странно тряслась... Неужели он сдавленно плакал?

Может быть... Иногда и мужчина роняет слезу,
Если горе его велико, если боль его невыносима.
Бог велел Аврааму заклать не овцу, не козу,
А родного, единого, Саррой рожденного сына!

Шли три дня по пустыне. Угрюмо молчал Авраам.
И доверчиво шел Исаак за отцом и осленком.
И под вечер вдали показалась гора Мориа,
Где Господь повелел заколоть Аврааму ребенка.

У подножья горы, где источник пустыню прорыл,
Был оставлен осел под присмотром двух отроков верных.
И понес Исаак сам дрова на вершину горы,
По уступам взбираясь легко, с грациозностью серны.

Под вязанкою дров с непривычки болело плечо,
И сверлили мозги надоедливо мысли о многом...
Нож несет Авраам, и рукам от огня горячо...
«Где же агнец, отец?» – «Агнец, сын, предусмотрится Богом».

До последнего мига не дрогнула вера отца,
До последнего мига не дрогнуло сердце у сына.
Дал связать себя молча и лег на дрова, как овца,
И глядел Исаак, как сверкал над ним ножик недлинный.

Но в момент роковой чей-то голос с небес прозвучал:
«Авраам! Авраам! Вижу Господа ты устрашился!
Исаака не тронь. Жертва есть. Опусти твой кинжал,
Видишь, овен рогами в кустах зацепился?»

Снова бледен рассвет... Снова путь чрез пустыню далек.
Только сердце отца облегченно, уверенно бьется.
Старый дуб у шатра. Над колодцем с веревкой валек.
Чья-то тень оторвалась неслышно от сруба колодца.

Это Сарра бежит, задыхаясь, навстречу своим.
Матерям нет нужды говорить о мужьях и о детях.
Знало сердце ее, что нелегкое выпало им,
Знало сердце ее, что вернутся вдвоем на рассвете.

Иегова-ире́ – так назвал место то Авраам.
Бог усмотрит – он верил, и вера его победила.
Мать бежала навстречу пришельцам с горы Мориа
И упала в слезах в их объятья родные без силы.

НОЕМИНЬ И РУФЬ

Ноеминь собралась в путь идти далекий
От полей Моава в Вифлеем родной.
Больно на чужбине жить ей, одинокой;
Без сынов, без мужа трудно ей одной...

Две невестки милые, две вдовы красивые
Вновь себе отыщут молодых мужей.
Ноеминь стареет, на душе тоскливо,
И домой вернуться захотелось ей.

Плачут Руфь и Орфа – добрые невестки,
Две моавитянки, вдовы сыновей:
«Мы с тобой, родная, навсегда, навеки,
Забери с собою бывших дочерей».

Ноеминь их долго, нежно наставляла,
И просила кротко не идти за ней.
Уговорам мудрым Орфа лишь внимала,
Возвратилась с плачем к хижине своей...

У прекрасной Руфи кроткий нрав и добрый,
У прекрасной Руфи смуглое лицо,
Узелок с вещами на дорогу собран,
На руке сверкает мужнино кольцо.

Есть родство сильнее общей в жилах крови,
Есть любовь, что шире всех морей и суш.
Руфь тянулась сердцем к пожилой свекрови.
Есть ли что дороже единенья душ?

Твердая решимость на лице у Руфи,
И любовь сквозь слезы светится в глазах:
«Не неволь мне душу, дай мне твою руку,
Я не возвращуся, не гони назад...

Только смерть разлучит пусть меня с тобою,
Я пойду, родная, куда ты пойдешь,
Я судьбу готова слить с твоей судьбою,
Умереть хочу я там, где ты умрешь.

Пусть народ твой будет и моим народом,
Бог пускай твой станет Богом и моим,
Не гони обратно, не лишай свободы,
Забери с собою в Вифлеем, к своим!»

Ноеминь склонила голову седую.
Травы шелестели тихо на ветру...
И взяла с собой невестку молодую,
Дочь полей Моава, преданную Руфь.

МАМА

Земля родная нам не мать, а мама –
Так человек родившую назвал.
Я видела, как землю целовал,
Домой вернувшись, пленный из Вьетнама.

Бывает трудно выразить словами
Свою любовь к той женщине родной,
Которой мы принадлежим одной,
Которую мы называем МАМА.

Переступив порог родного дома,
Мы в жизнь ушли, не поглядев назад,
Едва заметив слезы на глазах,
Едва коснувшись локона седого.

Но почему-то в странствиях далеких,
В смешанье лиц, событий, разных встреч,
Нам помнился изгиб любимых плеч,
И слезы на глазах, и этот локон...

Я знаю, когда жизни панорама
На склоне лет пред взором промелькнет,
Душа земное все переберет
И остановится на слове «МАМА».

В одном ряду с небесными словами
Земное слово то со мною шло,
И сердце счастье вечное нашло
И Божию любовь по слову мамы.

ИАКОВ И РАХИЛЬ

Красавица, прелестная Рахиль
Пасет стада на пастбищах Харрана.

Ее друзья, другие пастухи,
Венок ей подарили из шафрана.

Венок душистый сохнет в волосах,
И овцы по холмам гуляют низким.
Рахиль совсем забылася в мечтах
В тени перистых веток тамариска.

Предчувствие волнует ее грудь.
Овец пошла поить перед закатом.
И странник, преградивший ее путь,
Двоюродным ей оказался братом.

«Иаков!» – опустилися глаза.
«Рахиль!» – румянец по щекам разлился.
И ни один другому не сказал
О том, что с взгляда одного влюбился.

В глазах Рахили светится ответ.
Она любовью другу отвечала.
И он готов служить семь долгих лет,
Чтобы Рахиль женою его стала.

Он чувства не неволил своего.
Не многие Иакову подобны.
Не потому ли о любви его
Нам повествует Библия подробно?

Не потому ли Бог благословил
Иакова, как праотца Христова,
Иосифа Рахили подарил –
Прообраз воплотившегося Слова!

Под тамариском смуглая Рахиль...
Иаков к ней спешит из Ханаана...
И мне легко писать о них стихи,
И петь хвалу любви их постоянной!

«Жизнь и смерть предложил я тебе,
благословение и проклятие.
Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое».
Втор. 30:19

ЖИЗНЬ

«Я есмь путь, и истина, и жизнь»
Ин. 14:6

Что отдам тебе, жизнь?
Чем тебя осчастливлю я, нищая?
Что отдам тебе, жизнь?
Сердца стук и дыханье – твое!
Я твоей стала отроду,
Жизнь, ты была моей пищею,
Ты была моей школой,
Скитальческим скромным жильем.

Ты пришла не по воле твоей,
Не по выбору.
Отдала себя мне
По веленью Дающего жизнь.
Я тебя приняла...
Но порою тяжелою глыбою
Ты давила меня,
Не давая очам глянуть ввысь.

Но зато иногда
Ты бывала нежнее и ласковей,
Чем ребенок
В коленях у матери милой своей.
Иногда ты сияла
Святыми, нездешними красками
И манила вперед
Переливом далеких огней.

Я прощала тебе
Вероломство твое неуклюжее
И цеплялась опять за тебя,
Как живучий репей.
Жизнь моя, я нашла
Что-то самое-самое нужное,
Что срывает с тебя и меня
Кольца рабских цепей.

Я нашла Человека по имени ЖИЗНЬ,
Понимаешь ли?
Что же ты тогда, жизнь?
Отголосок и отблеск Его.
Ты намек на Него,
Но блажен, твой намек принимающий!
Слейся с Ним, моя жизнь,
Поселись у Творца твоего!

Что отдам тебе, жизнь?
Возвращу только то,
Что дала ты мне.
Что отдам тебе, жизнь?
Возвращу, что нашла на пути,
Что поставила ты
Пред лицом моим грустным, заплаканным,
Что должна я была у тебя поискать и найти:
ЖИЗНЬ!

ЗОВ

На грани великих свершений
Трепещет, волнуясь, душа.
Творит ли великое гений,
Иль делает первый свой шаг

Дитя годовалое шатко,
Не зная, что ждет за углом...
Нам радостно, больно и сладко,
Когда в неизвестность идем.

Творю незаметное дело,
Но вот напряженье до слез!
И мысли не знают предела,
И все принимаю всерьез.

Не знаю ни сна, ни покоя,
В работу иду с головой...
Да что ж это, люди, такое,
Что гонит меня, как конвой?

Не это ль незримое «что-то»
Толкало Колумба вперед?
И в небо толкает пилота,
И в битву солдата ведет?

Не ради почета и славы,
Не ради лавровых венков
Творит человек величаво
Великое много веков.

И если отнять у нас это,
Незримого ЗОВА лишить,
Ничем станет наша планета
И незачем будет нам жить.

НОВОЕ И СТАРОЕ

Мне новый день, как дар нежданный,
Как первый вздох,
Как мир Адама первозданный,
Как в яслях Бог.

Все поражает новизною,
Когда вперед
Иду дорогою земною
За годом год...

Гляжу на небо, как впервые,
Который раз!
Мне переливы голубые
Ласкают глаз.

Мне облаков пушистых клочья,
Как первый снег,
Как первый зуб во рту молочный
И первый смех.

И смерть мне будет чем-то новым,
Но не чужим,
Как гость, что приходил к знакомым,
К родным моим.

Когда же там, за жизни гранью,
Где смерти нет,
Приду на вечное свиданье
В небесный свет,

Там даже тело будет новым,
Но только вдруг
Там голос Пастыря знакомый
Уловит слух.

Я руки там к рукам Христовым
Тогда простру,
И для меня не будет новым
Мой старый Друг.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

В саду Едемском был запретный плод.
Об этом знала Ева – мать людей.
Но вот лукавый змей в траве ползет,
Сверкая чешуей, крадется к ней.

И извиваясь телом по песку,
Шипит он, как огнем объятый стог:
«Плод знание таит в своем соку.
Неужто запретил его вам Бог?»

И яд сомненья в душу зароня,
Исчез в траве высокой хитрый змей.
Прошли тысячелетья с того дня,
Но ныне этот яд в душе людей.

В душе моей, в душе моих друзей
Поныне он покоя не дает,
То тут, то там в сплетении стезей
Нам в руку змей запретный плод сует.

Но стоит вспомнить вовремя слова:
«Не тронь, не прикасайся, берегись»,
Змеиная исчезнет голова,
И флаг победы сердце вздернет ввысь.

О Дух Святой, буди, напоминай!
Соблазнов много жизнь с собой несет.
Но, может быть, она, как светлый рай,
Лишь нужно обойти запретный плод.

ИЗ ПРОШЛОГО

Война пришла и прежде времени
Взвалила на душу мою
Всю тяжесть жизненного бремени,
Как ношу непосильную.

Я прежде срока стала взрослою,
Как молодое деревцо,
К которому гвоздями острыми
Прибили домик для скворцов.

Ствол нежный гнется и качается
От дуновенья ветерка,
И кажется, вот-вот сломается
Под тяжестью скворечника.

Я раньше времени увидела,
На что способен человек,
И сердцем всем возненавидела
Наш страшный и жестокий век.

Мои все лучшие мечтания,
Мои девические сны,
Любви невинной ожидания
Сгорели в огнище войны.

Вошла змея ожесточения
Мне в сердце юное ползком,
Я говорила без стеснения
Циничным, грубым языком.

Разврат, жестокость, беззаконие
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
От них идущее зловоние
Всю превратило землю в ад.

Покинуть родину разбитую
Пришлось под орудийный гром.
Я на чужбину злобу скрытую
С собою увезла тайком.

И если б не рука Господняя,
Не милость Божья и любовь,
Не знаю, где была б сегодня я,
На чей бы отозвалась зов.

Из тьмы, убийственно отчаянной,
Спаситель вытащил меня,
Поставил на вершине каменной,
Наполнив душу светом дня.

В далеком прошлом пережитое,
Тяжелым кажется мне сном...
Лежит передо мной открытая
Дорога в вечный Отчий дом.

МУЗЫКА

Музыки оттенки и тона,
Мириады звуков и созвучий!
То слышна морская в них волна,
То раскатов грома звук могучий.

Щебет птиц, журчанье ручейка,
Бури вой и плач ночной сирены,
Писк в тупик попавшего зверька,
Туш финала с цирковой арены.

Музыки безазбучный язык
Всем понятен, всеми ощущаем,
Как ребенка плач, от боли крик,
Как тепло в груди, когда прощаем;

Как любовь в глазах, как смерти явь,
Как греха всеобщее проклятье...
Музыка, как тайна бытия,
Все народы превращает в братьев.

Музыка искупленных сердец,
Пение возвышенных хоралов –
Звуков съединившихся венец,
Самой лучшей музыки начало!

Жизнь пройдет, умолкнут все уста,
Перестанет биться в скалы море.
Мы же в небесах у ног Христа
Будем вечно петь в небесном хоре!

ВЕСНОЙ

Я собираю шишки под сосной,
Старинною, тенистой, высоченной.
Мимоза снова расцвела весной...
Мне кажется, весна во всей вселенной.

Весна в душе... Все мысли о весне –
Взрыхлить бы землю на цветочной грядке...
Как будто «только света, что в окне»,
Мне хорошо, так, значит, все в порядке?

А ведь не так, ведь все совсем не так,
Весна в окне, а где-то вьюги воют,
И в чьем-то сердце беспокойство, мрак,
Не все сегодня тешутся весною.

Я шишки собираю под сосной,
Душистые, смолистые, сухие,
А сердце переполнено весной,
И о весне в душе пишу стихи я.

И комья пробудившейся земли
Меня пьянят предвечным ароматом.
Мне вспомнились несчастные вдали
И стало жалко человека-брата.

Весна, весна, ко всем пришла бы ты,
В сердцах бы распустилася мимозой
И в душах рассадила бы цветы
Назло врагу, наперекор морозам.

Мне хорошо под небом голубым,
Я собираю шишки под сосною...
В моей душе Божественная быль,
Я до краев наполнена весною.

РАННИЕ ЧАСЫ

По забору вьется розовый горошек.
Рядом приютилась алая герань.
Солнце нацепило из лучей кокошник,
Чтоб нарядным встретить утреннюю рань.

Вспыхивает пламя огненных настурций,
И глициний грозди на ветру дрожат.
Розы в блестках росных друг ко другу жмутся,
Испуская тонкий, нежный аромат.

Я люблю пораньше выйти в сад тенистый,
Чтоб посыпать птицам крошек там и тут,
И вдохнуть всей грудью воздух влажно-чистый,
И начать с молитвы ежедневный труд.

Без вот этих тихих, утренних мгновений,
Без цветов и птичек, капелек росы
Я была б несчастней, мельче и беднее,
Потому люблю так ранние часы.

САН-СИМЕОН

Тратил в год на себя человек миллион,
Отовсюду скупая добро:
Антикварные вещи, парчу, серебро...
Все свозил в замок «Сан-Симеон».

В изумрудную бухту у склона горы
Грузовые плыли корабли,
Из далеких краев необъятной земли
Привозили искусства дары.

Он там вырыл бассейны, раскинул сады,
Колокольные башни воздвиг

И друзей приглашал сюда лучших своих,
Не жалея вина и еды.

Он владельцем газет был, магнатом большим,
Пятьдесят тысяч в день был доход,
Но доходам своим потерял бы он счет,
Если б не дал считать их другим.

Он по склонам горы на коне разъезжал,
На охоту с друзьями ходил,
Скот породистый не для нужды разводил,
И в железной руке все держал.

Собирал, собирал, собирал человек.
И поныне со складов внизу
Драгоценные вещи везут и везут...
Думал, видно, что жить будет век!

Но поставил Творец его жизни предел,
Отозвал его в пору и срок.
И не знаем, усвоил ли свой он урок,
Пред концом поумнел ли, прозрел?

Штату отдали дети наследство свое,
И туристы глядят на него...
Ничего нет у нас на земле своего –
Все оставим, как только умрем.

Вечерами на замок садится туман,
Ветер в башнях ревет и свистит,
Будто с замком он там по душам говорит:
«Все добро твое – жалкий обман.

Лучше б отдал хозяин добро беднякам,
Накормил бы сирот миллион,
И тогда, как библейский святой Симеон
Драгоценностью был бы он сам».

ДА И НЕТ

Что медлишь? Чего еще ждешь?
Каких еще громов и молний
На жизнь свою дерзко зовешь?
Иль ждешь, пока будешь виновней?

Ты думаешь, тучи грехов
Нужны, чтоб в аду очутиться?
Ты слышишь ли голос Христов
Зовет, в твое сердце стучится?

Он жизнь предлагает, а ты
Жеманишься, медлишь, кичишься.
От слов Иисуса простых
Бежишь, как огня их боишься.

«Но вы не хотите прийти...» –
С печалью Спаситель вздыхает.
Зовет тебя с злого пути
И вечность в раю обещает.

Но слово короткое «нет» –
Вот грех твой великий и грубый.
В нем смерти и ада секрет.
Один этот грех тебя губит.

И если сменишь ты на «да»
Холодное «нет» твое честно,
Ты будешь с Христом навсегда,
Как здесь, так и в Царстве Небесном.

ЗАГРЯЗНЕНИЕ

О загрязнении земли
Кричат журналы и газеты.
Народы голос подняли,
Волнуют их проблемы эти.

Земля, земля загрязнена!
Линяют птицы, рыбы дохнут,
Нефть разлилася по волнам,
От шума джетов люди глохнут...

Вы согласитесь здесь со мной,
Что это так и, скажем прямо,
Что превратился шар земной
В большую мусорную яму.

Нечисты воздух и вода,
Страдают легкие и уши,
Но есть еще одна беда –
И от нее страдают души.

То, что читает человек,
Что видит, как досуг проводит,
Духовных создает калек,
От света в тьму людей уводит.

Нечисты книги и кино,
И в рамках с яркой позолотой
Изображает полотно
Простор морального болота.

И затянулася душа
Зеленой тиною тягучей,
О том, что нечем ей дышать,
Подумали бы люди лучше.

Душа, душа загрязнена!
Но есть источник очищенья:
Святая кровь Христа сильна
Ее спасти от загрязненья!

С ГОДАМИ...

С годами жизнь мне сделалась дороже,
Острее ощущение ее.
А от пройденных «стежек и дорожек»
Остался след на опыте моем.

Мне стал ценней и ближе миг, который
Вот здесь сейчас я провожу с тобой.
Сегодняшние наши разговоры
Близки мне так, как берегу прибой.

Я не хочу остановить мгновенье
И вспять пустить ход стрелок на часах,
Но я ценю мое с людьми общенье
И пониманья свет у них в глазах.

Руки друзей ценю прикосновенье
И их добро, оказанное мне.
Быть может, завтра смерть пошлет забвенье
И передаст меня иной стране.

И потому слышнее и заметней
Мне пенье птиц, цветение мимоз,
И тишина, что тише на рассвете,
И ночью разбудивший паровоз...

Я думала, что охладею к людям
И притупится чувства острота,
Но сердце с каждым годом больше любит
И не за что-то, а вот просто так!

Путь стал прямым и целеустремленным,
А не как речка, что течет в песок.
И Бог стал близким, а не отдаленным,
Как некий в облаках живущий рок.

В душе светлей, чем на лесной лужайке.
Ей небо ближе, чем вершинам гор.
Мне кажется, квадратики мозаики
Вдруг улеглись в осмысленный узор.

Жизнь стала проще, слаще и понятней,
Сердечней отношения с людьми.
С годами стал дороже и приятней
Не то что каждый час, а каждый миг!

НОВЫЙ ДЕНЬ

Новый день – это жизнь
И работа, работа...
Это слов этажи
В мозговых переплетах.

Это встречи с людьми,
От кого-то письмишко...
Тишина за дверьми
И в обед передышка.

Дни проходят, летят –
Друг на друга похожи.
Новизной поманят,
А подарят все то же –

На закате покой,
На рассвете надежду,
Когда сонной рукой
Протираются вежды.

«Что несешь, новый день?» –
Говорю в сонной лени
И тихонько, как тень,
Преклоняю колени...

Что-то день принесет –
Бог недаром нас будит.
Он даёт и берет,
И что будет – то будет.

С МОСТА

Режет воду лодочка моторная,
На корме полощется флажок,
Уступает путь волна покорная,
Нежно льнет попутный ветерок.

Быстрота в стремительном движении,
Легкость, грациозность, красота!
Мне она в живом воображении
Чьей-то жизнью кажется с моста.

Не моей... Моя, как льдина ломкая,
Что несется в море в ледоход.
Ей борьба воды и ветра громкая
Плавно продвигаться не дает.

Глядя на красавицу плавучую,
Думаю про легкий ее бег...
Почему в таком благополучии
Жизнь прожить не может человек?

МАЙ

Так молод год, так сладок, так хорош!
В расцвете май. Цветы, цветы, цветы...
Их только нюхаешь теперь и рвешь,
Уже не мнешь, как в молодости, ты.

Ты трезвым стал. Тебе не до цветов.
Пускай себе бушует юный май.
Ты не лежишь в траве возле кустов
И в голове «не мни и не ломай».

А помнишь, как не замечал таблиц,
Как мял траву, как под кустом лежал,
И сборничек потрепанных страниц
Держал, и он в твоей руке дрожал...

И над тобой неслися облака,
Сформировав причудливый извив,
И жизнь была беспечна, и легка,
И широка, как по весне разлив.

Теперь узка, мелка и коротка,
Как ни гляди и как ни принимай,
Как та в песок текущая река...
И мимо мчится оголтелый май.

Цветут цветы, и травы шелестят.
Но ты пред ними шапку не снимай.
Они поймут, они тебя простят,
Как все прощают те, в чьем сердце май.

ТЫ И Я

Мы все в одном великом плане,
В разумной тайне бытия.
Как звезд предвечное сиянье,
Так мы с тобою: ты и я.

Мы не случайны – как приливы
На берегу морской волны,
Как горький плач и смех счастливый,
Как первый признак седины.

Из вечности протянут в вечность
Невидимый широкий мост,
Неизмерим, как бесконечность,
Как счет неисчислимых звезд.

Мы по мосту шагаем браво,
Под солнцем ищем лучших мест.
И вдруг не слева и не справа,
А впереди – голгофский крест!

Он вдруг встает, как пробный камень
И как скрещенье всех дорог.
Здесь испытанье душ веками
Производил премудрый Бог.

Здесь совершилось искупленье,
И смерть навек побеждена,
Здесь боль и тяжесть осужденья
Удалена, пригвождена!

Здесь исчезает самомненье
И прекращается борьба,
Здесь принимается решенье,
Определяется судьба.

И мы пришли сюда толпою,
Как нераздельная семья,
Но мысль неведомой тропою
Прокралась в сердце: ТЫ – НЕ Я!

И я – не ты, и что решенье
Никто не сделает за нас...
А крест стоял. С него спасенье
Давал всем даром добрый Спас.

Я приняла, и путь открылся
Передо мной из темноты.
А ты принять его решился?
Ведь ты ж – не я, и я – не ты!

***

Вчерашний день – воспоминание,
А завтрашний – мечта, догадка...
Сегодня – вечности познание,
Признание ее порядков.

Вчера из жизни можно вычеркнуть,
Пусть завтра сердце не тревожит...
Сегодня грешник счастье выпросить
И получить у Бога может.

Вот почему без сожаления,
Что так знакомо сердобольным,
Два дня легко предав забвению,
Я третьим остаюсь довольной.

ГОРЕ ЧАЙКИ

Кричит и бьется над морем чайка,
Над белой пеной, над синей влагой.
Смешная птица! Ты здесь хозяйка,
А не залетный, чужой бродяга.

Не милы волны, не рада пене,
Постыли пальмы на побережье.
О чем-то плачет, под стать сирене,
Хоть душу вынь ей, хоть горло режь ей.

То ввысь взметнется, то в воду камнем,
То неподвижно замрет над морем.
Разводит будто и впрямь руками
Пред безутешным, незримым горем.

Глотает воздух раскрытым клювом,
И режет ветер, как взмах нагайки.
Кричит: «Все горе я изолью вам,
Примите, волны, скорбь бедной чайки!»

ПРОХОДИТ ЖИЗНЬ...

Проходит жизнь неслышными шагами,
И, кажется, совсем не так давно
Мы все заботы относили маме,
Воспринимая жизнь через окно.

Мы дни рожденья радостно встречали,
Мечтая лишь о том, чтоб старше стать.
Но с возрастом умножились печали,
А мамы не было, чтоб их унять.

Они в душе у нас перегорели,
И пеплом опустились на виски...
Мы (нежно выражаясь) повзрослели,
Обходимся без маминой руки.

Но все же трудно обойтись бывает
Без ласки и внимания друзей.
Как хорошо, что Бог их посылает
В сплетенье наших жизненных стезей.

Твой друг твои разделит убежденья,
С тобой твои печали понесет,
И вовремя припомнив день рожденья,
Тебе подарок скромный поднесет.

СЛУЧАЙ

В машине сидя у перехода,
Картинку видеть пришлось однажды:
Сигнал зеленый для пешеходов
Сменился красным, пожалуй, дважды...

Мы все из окон глядели строго –
Сейчас начнется здесь заваруха!
И вдруг мы видим: через дорогу
С корявой палкой идет старуха.

Платок завязан вкруг шеи туго,
Едва ступают худые ножки,
Спина дугою, как от испуга
Дугой бывает спина у кошки.

Плелась-тащилась минут пятнадцать,
Глядя под ноги подслеповато...
Вот так по жизни передвигаться
Неужто будем и мы когда-то?

Неужто буду и я обузой,
Ненужным, жалким, кривым уродом?
Балластом лишним, негодным грузом,
Жизнь тормозящим у переходов?

Сигнал сменился. Пошло движенье.
Обдумал случай невольно каждый.
Прошла старуха, как наважденье,
Как бутафорный макет бумажный.

Чужие чувства – для нас потемки.
Мои сжимали мне спазмой горло.
Уж лучше с жизнью ходить по кромке,
Чем быть причиной ее заторов.

РАЗГОВОР С ЖИЗНЬЮ

Жизнь, ты куда летишь?
Остановись на малость!
Ты меня вихрем мчишь,
Мало тебя осталось...

Останови себя!
Мне наверстать поможешь,
Что упустила я,
Когда была моложе.

Крут был порой подъем,
Ныли душа и тело...
Шли мы с тобой вдвоем,
Только тебе нет дела.

Цель у тебя была:
Только б примчать к барьеру.
Ты пожалей, стрела,
Здесь поэтессу Веру.

Видишь, устала я?
Помнишь, как я просила
Больше плодов, огня,
Больше любви и силы?

Жизнь, ты пойми меня,
Ведь у меня есть дело!
Спросит Господь с меня.
Мало я здесь успела...

Жизнь говорит в ответ:
«Просишь ты все напрасно,
Бог ставит сроки лет,
Я ж над собой не властна!»

«Венки всегда дешевле, чем любовь».
Булат Окуджава

ЛЮБИТЕ ЖИВЫХ!

«Венки всегда дешевле, чем любовь» –
Звучат слова народного поэта.
Не соглашаясь с фразою любой,
Я все же соглашаюсь с фразой этой.

Он прямо в глаз попал здесь, а не в бровь.
Венком вину частенько прикрывают.
«Венки всегда дешевле, чем любовь»,
Ведь не венки нам сердце надрывают!

И я напоминаю людям вновь:
Не ждите смерти и венков не ждите!
Венки всегда дешевле, чем любовь.
Живых людей жалейте и любите!

***

Чего от жизни ждешь?
В твоих глазах усталость,
Давно покрылись инеем виски.
Ты понимаешь, что подкралась старость,
И коротаешь кое-как деньки.
Ты по инерции вперед идешь…
Чего от жизни ждешь?
Она дарит живое.
И если ты от жизни смерти ждешь,
Ты заблужденье принял роковое
И вместо жизни только смерть найдешь.
Ты в вечный ад уверенно идешь.
Чего от жизни ждешь?
Жди от нее живого!

Жив только Бог и тот, кто в Нем живет.
Пускай в тебя вселится Его Слово.
Оно в тебе и смерть переживет,
И ты счастливым в вечность перейдешь.
Чего от жизни ждешь?

ПРЕКРАСНЫЕ МЕСТА

Мои ноги прошли по прекрасным местам.
Отзови меня ныне Господь,
Не скажу, что жила я с бедой пополам,
Что замучены дух мой и плоть.

Он мне прелесть земли и небес показал,
К тихим водам водил Он меня.
«Я люблю тебя», – Он мне однажды сказал,
И душа ожила с того дня.

Мне прощения сладость известна вполне
И знаком очищенья огонь.
И я знаю, что Бог мой сказал сатане:
«Отойди, Мое чадо не тронь!»

Я в сладчайшем общенье бывала с Христом
В тишине, при закрытых дверях.
Он мне был над бурлящим потоком мостом,
Маяком на бездонных морях.

Он послал мне сердечных и верных друзей,
Ввел в семью моих братьев, сестер.
Жизнь прекрасной была, потому что Он в ней
Мне объятья Свои распростер.

Он дорогу мне в небо Свое указал,
И я знаю, что буду с Ним там.
Он был пищей душе. Он был светом глазам...
Я прошла по прекрасным местам!

ТИРЕ

Сойдут на нет житейские дороги.
Закончим жизнь когда-то я и ты.
В газетах и журналах некрологи,
А на могилах свежие цветы.

Цветок прильнет к холодному надгробью,
Где высечены раз и навсегда
Две даты и, как мостика подобье,
ТИРЕ, соединившее года.

Тире, черта, штришок едва заметный –
Земной наш путь с начала до конца,
Вся наша жизнь, весь бег наш эстафетный
В одном коротком росчерке резца.

Что кроется за этим знаком малым?
Пустое прозябанье, суета?
Погоня за обманным капиталом?
Безделье, бесполезность, маята?

Что шепчет, глядя на тире, потомок:
«Зачем ты умер иль зачем ты жил»?
Штришок короток, неглубок и тонок.
Каким был тот, кто здесь под ним почил?

Весь год читая чьи-то некрологи,
Задумалась невольно над собой.
Проходит жизнь, но как? Всецело в Боге
Иль как попало, с Богом вразнобой?

Божественный нектар или снадобье
Давала близким и далеким пить?
Меж датами тире... Мое надгробье
О чем потомкам будет говорить?

Была ли жизнь моя теплом и светом
И идеалы были ль высоки?
Возьмут ли дети их, как эстафету,
Из тихо опустившейся руки?

***«Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною,
чтобы воздать каждому по делам его».***
Откр. 22:12

НЕПОНЯТЫЙ ЦАРЬ

***«Множество же народа постилали свои одежды на дороге,
а другие резали ветви с деревьев и постилали на дороге».***
(Мф. 21:8).

На ослике, на сыне подъяремной,
Христос въезжает в Иерусалим.
Толпа шумит в восторге неуемном,
Одежды, ветви стелит перед Ним.

Так мягко стелет... и кричит: «Осанна!
Блажен Грядущий ради Бога Царь!», –
И сладки те слова, как Божья манна,
Что падала с небес в пустыне встарь.

«Блажен Мессия! Славный Сын Давидов!
Осанна в вышних! Слава и хвала!»
О Иерусалим, ты видел много видов,
Но эта сцена все их превзошла.

Изменчиво народа настроенье:
Сегодня – «слава», а назавтра – «прочь»,
Тверды сердца врагов, как те каменья,
Темны глаза их, как в безлунье ночь.

Под праздник Пасхи к смерти присудили,
За город увели под крик «Распни!»,
И там с ворами ко кресту прибили
Мессию, Бога, что Царем был им.

Не поняли и недооценили,
Не помнили, что жизнь Он мог давать!
А как стелили! Мягко как стелили...
Да только жестко привелося спать...

ПАСХАЛЬНЫЙ АКРОСТИХ

Холодок предрассветный в саду... Тишина...
Рано женщины масти ко гробу несут
Иисуса помазать. Но дума одна:
Сторожа Его гроб день и ночь стерегут.
Тихо-тихо идут... Видят, словно во сне,
Отвалил кто-то камень и ангел сидит,
Света молнии ярче, белее, чем снег,
Взор горит, голос грому подобно звучит:
«ОН ВОСКРЕС! ОН ОЖИЛ! ИИСУСА ЗДЕСЬ НЕТ!»
Страх на миг мироносицам души сковал.
Как же так? Но ведь верно, Он Сам говорил.
Разве мы не слыхали? «Воскресну», – сказал.
Ей, воскрес Он! Воистину мертвый ожил!
Слава Богу! Он смертию смерть победил!

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Перед рассветом утихают птицы,
Которые и ночью не смолкают.
Перед рассветом людям крепче спится.
Перед рассветом люди умирают…

Земля в молчанье новый день встречает,
Всецело ожиданью отдается.
Роженица о часе своем знает,
Когда ребенок в ней почти не бьется.

Перед рассветом, преданный Иудой,
Христос судим был тайно спозаранку.
Под петушиный крик, что спящих будит,
Петр от Христа отрекся пред служанкой.

Христос восстал из гроба пред рассветом,
И пред рассветом рыбакам явился –
Петра утешить и другим, как детям,
Сказать о том, чтоб каждый обратился.

Петр, обратившись, братьев наставляет,
И ко Христу зовет идти, как к свету,
Что тьму греха Собою освещает,
Доколе ночь приблизится к рассвету.

В последних строчках Нового Завета
Христос назвал Себя Звездою ранней,
Звездой, грядущей в мир, живой и светлой.
И, может быть, земле известно это,
И потому смолкает пред рассветом,
И замирает в сладком ожиданье!

ПОБЕДА ЖИЗНИ

Ничем не остановишь жизнь –
Гони в окно, ломится в двери!
Остановись, насторожись,
Вглядись, прислушайся, поверишь!

Нужны мужчины на войне –
Она берет их безвозвратно.
Конец войне, и по весне
Мальчишек жизнь дарит вдвойне,
Чтоб возвратить земле утраты!

Одно пшеничное зерно
Падет в распаханную почву.
Пойдут дожди, и вот оно
Сгнило, но больше не одно,
Дав колос, полный зерен сочных!

В бетон закована земля.
Машины мчат, ревут моторы.
Но густо зелены края,
Кусты, деревья и поля
О жизни говорят бесспорно.

Слабеет тело, гаснет взор,
Смерть непреклонно наступает.
Но Бог расширил кругозор,
Нам показав небес простор,
Где тот, кто в Нем, не умирает!

Навеки смерть побеждена.
Воскрес Христос и с Ним Христовы!
Смерть христианам не страшна.
Жизнь будит мертвое от сна
И рвет могильные оковы!

Я ХОЧУ...

Я хочу, чтоб не линяла
Краска шелка, щек и неба,
Я хочу, чтобы не вяла
Хризантема под окном.
Я хочу, чтоб всем хватало
На столе воды и хлеба,
Чтобы люди упивались
Счастьем жизни со Христом.

Я хочу, чтоб каждый друга
Видел в ближнем и соседе,
Я хочу, чтобы испуга
Вовсе не было у нас.
Я хочу, чтобы подругам
Улыбались при разъезде,
Чтобы вежливым услугам
Уделялся каждый час.

Я хочу, чтоб мир навеки
Воцарился на планете.
Я хочу, чтобы калеки
Навсегда перевелись.
Я хочу, чтоб наши веки
Не смыкали лапы смерти,
Чтоб греха и злобы реки
Не текли чрез нашу жизнь.

Я хочу, и я мечтаю
О несбыточных свершеньях.
Я прошу, хотя и знаю,
Что не сбудутся они
До тех пор, пока Христа я
Не увижу появленье,
Пока Он не будет с нами
В те обещанные дни.

ПРИДУ ОПЯТЬ

«Не оставлю вас сиротами; приду к вам»
Ин. 14:18

Сколько раз нам в пути приходилось прощаться
И, давяся слезами, на вокзалах стоять,
С дорогими душе навсегда расставаться,
Без надежды на встречу родных провожать.
Горьким было во время войны расставанье,
Паровозный свисток боль разлуки сгущал.
Так хотелось тогда говорить«до свиданья»,
Но само по себе получалось «прощай».
А потом чрез года нас несло упованье,
И никто нам не мог убежденно сказать:
«Я приду, я вернусь, я сдержу обещанье»...
Кто из нас мог такое уверенно знать?
Только добрый Спаситель, Своих покидая,
Перед страшным, кровавым голгофским крестом
Говорил, их жалея, любя, утешая:
«Я приду к вам опять непременно потом».

Это слово Того, Кто сдержал все обеты,
Кто чистейшую правду всегда говорил
На страницах святого, живого Завета,
Кто с Отцом от начала творения был.
Он сказал: «Я приду». Разве можно не верить,
Когда Бог говорит слово истины Сам?
Мы могли Его слово на деле проверить,
Ведь оно проложило нам путь к небесам!
Хоть горьки на вокзалах земные прощанья
И надежда на встречу теплится едва,
Знаем, сдержит Спаситель Свое обещание –
Он на ветер Свои не бросает слова!
Будет много еще в жизни встреч и прощаний,
Будут вдаль поезда навсегда уходить...
Близок светлый приход! Бог сказал: «До свиданья!»
И душа отвечает: «Ей, Боже, гряди!»

ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Если корочкой льда затянулись осенние лужицы
И снежинки беззвучно по мглистому воздуху кружатся,
А дорожную слякоть морозы застали врасплох,
Значит, осень прошла и зима к нам пришла на порог!

Если тают снега и в проталинах видны подснежники,
И в саду под забором проснулися крокусы-неженки,
Если звонкие капли буравят под окнами льдинки,
Значит, зиму опять победила весна в поединке.

Если солнце печет и деревья фруктовые клонятся,
Если мед собирает с цветов золотая поклонница,
Если рожь колосится и лен в лиловатом дыму,
Значит, лето к разгару пришло своему.

Если падают листья и ветер их носит по улице,
Я спокойна душой и ничуть ни о чем не волнуюся,
Если низкие тучи цепляют макушки у сосен,
Значит, лето прошло и теперь надвигается осень.

Если вдруг на висках у тебя седина показалася,
А тебе все казалось, что жизнь еще не начиналася,
Значит, ценного времени мало, так мало осталося,
Значит, старость к тебе незаметно, тихонько подкралася.

И не нужно быть умным, не нужно быть даже поэтом,
Чтоб о жизни читать по вот этим надежным приметам.
Нам газеты рисуют последних событий картину:
Мы читаем, что Бог возвращает Израиль в Палестину!

Нет приметы верней: у смоковницы ветки мягчают,
Оживает Израиль и Мессии приход предвещает!
Он сказал: «Я приду!» Что нам старость, усталость
и жалость!
Он грядет! Это то, чего сердце спасенных зваждалось.

Что зима и весна, что нам осень и жаркое лето!
Нам на Ближнем Востоке важнейшая светит примета:
Полным ходом сейчас возрожденье Израиля идет,
Значит, скоро Спаситель во славе на землю придет!

«И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел, и получил урок»
Притч. 24:32

«Посмотрите на смоковницу...»
Лк. 21:29

ПОД СМОКОВНИЦЕЙ

У смоковницы вновь распустились листочки.
Скоро спрячет в них серые ветки.
Солнце сыплет сквозь листья ее и почки
На траву золотые монетки.

Станет крупной листва ее в апреле
И прикроет лиловость смокв,
Чтобы лучше росли они и зрели,
Чтоб прохладным был сладкий сок.

Пусть растет она под солнцем ярким,
Под туманом и под дождем.
Долго ждать от нее плодов – подарков.
Ничего, как-нибудь подождем!

Хорошо, что покрылась не только листьями,
Как ее прабабушка древняя,
Что во всех народах прослыла исстари
Пустотой своей непомерною.

Приходи, посети меня, Учитель,
Загляни мне в душу – смоковницу.
Горе мне, если голод не утолить Тебе
И в тени ее не успокоиться.

В САНТА-БАРБАРЕ

Нас никто не удивит экзотикой.
Наш район зовется Самарканд.
Одурманил воздух, как наркотиком,
Пышный цвет лиловых джакоранд.

Пальмы, мирты, лавры, даже пробковый
Дуб растет вот тут же за углом.
Океан и горы, словно скобками,
Обхватили городок вдвоем.

Горы защищают Санта-Барбару,
Океан у ног ее лежит.
Нечего здесь делать скифу, варвару...
Христианам бы тут только жить!

Это не земное место жительства,
А какой-то райский уголок.
Хорошо бы здесь по совместительству
Древа жизни посадить росток.

ВЕСНОЙ

Поредели зимой тополя
И стоят, словно метлы из прутьев.
И вода в бороздах на полях
Почему-то мне кажется ртутью.

В феврале еще будут дожди,
Но, конечно, не будет морозов.
И куда ни взгляни, ни пойди –
Всюду охра цветущей мимозы.

И весна в своей юной красе,
Что дана ей от века по праву,
Как девчонка, по ранней росе
Босоножкой пройдет величаво.

А во мне, как в былые года,
Вдруг пробудится что-то такое,
Что по тайным сигналам всегда
Пробуждается только весною.

ПОСМОТРИТЕ

У мимозы легкие цветочки,
Что похожи на пушок цыпленка.
И верба раскрыла свои почки,
Мягкие, как лапки у зайчонка.

По камням журчит ручей игриво,
В свете солнца брызгами сверкая,
И полощет ветки свои ива,
В ручеек их тихо опуская.

Вьются чайки над волной морскою,
Паруса над лодками белеют...
Лермонтовской меткою строкою
Описать я это не сумею.

Стройных пальм ряды на побережье,
Гор хребты в туманном отдаленье...
В шуме ветра слышен голос нежный:
«Посмотрите на Мое творенье!

Посмотрите на Мое величье,
Приходите голос Мой послушать.
Я – ваш Друг, Я – ваш Спаситель личный,
Я навек спасаю ваши души».

ВЕЧНЫЕ РИТМЫ

У набережной пальм ряды
Ветвями машут всем прохожим.
И равномерный плеск воды
Так утешающе несложен.

Уж слишком много суеты,
Забот, проблем неразрешимых.
И просит сердце простоты,
Природных ритмов нерушимых.

Шумит прибой, блестит волна,
Полощет ветер парус белый...
А ночью вечная луна
Взойдет нам миром огрубелым.

С рассветом солнце заменит
Ее на вечном небосклоне.
Лишь человек тем знаменит,
Что в суете по уши тонет.

С природой бьется вразнобой
Его мятущееся сердце.
Он борется с самим собой
И в брате видит иноверца.

А рядом тут гремит оркестр
Неизменяющихся звуков.
Прибоя рокот, горы, лес
Гармонией ласкают ухо.

И после шума моего
Меня манит порядок этот.
Вся жизнь – хаос. Да ну его!
Я влиться жажду в ритм планеты!

В МАРТЕ

Мы стоим на пороге марта,
Все деревья в дыму цветов.
Малышам надоела парта,
Ну а мне надоело пальто.

Хорошо в безрукавом платье
По росистой траве пройти.
Каплям влаги сказать: «Не плачьте»,
И цветку сказать: «Расцвети».

А себя опросить: «Сколько весен
Проводила-встретила ты?
Сколько стройных видела сосен,
Сколько раз задевала кусты?

Как прохладный весенний дождик
Пробудил в тебе чувств расцвет?
И за что вдруг глядела строже
Твоя мама? Не помнишь, нет?»

Эх, весна, моя жизнь в закате,
Я не та, что была давно.
Расцветают деревья в марте,
Почему ж мне не все равно?

МЫСЛИ В АПРЕЛЕ

Дни неслышно перешли в недели.
Незаметно месяцы прошли.
Мартовские ветры отшумели
И весну апрелю принесли.

Все цветет, живет, благоухает.
Корни трав ломают тротуар,
Почки на деревьях набухают,
Над полями вьется легкий пар.

О весне чуть свет вещают птицы,
О весне поет в ручье вода...
И опять мне вспомнилась гробница,
Что пустой осталась навсегда.

Вспомнился отваленный мне камень,
Ангел светлый с пламенным лицом
И слова «Воскрес Он», что веками
Были связью с любящим Отцом.

Он воскрес! Христос живет сегодня!
Грех исчез, и смерть удалена!
Сила воскресения Господня
Верующим всем навек дана!

О весне сегодня птицы пели.
О весне поет душа моя.
Ожила земля опять в апреле.
Ожила с Христом навеки я!

ИЮНЬ

Опять цветут лилово джакоранды.
Опять июнь и по утрам туманы.
И гор не видно с маленькой веранды.
Опять июнь... Как странно, о, как странно!

Так значит, год остался за плечами,
А я не уследила за движеньем,
Которое здесь днями и ночами
Вещей вокруг меняло положенье.

Я замечала (вам признаться можно),
Что глубже стали лучики морщинок,
Что за числом угнаться невозможно
Разросшихся на голове сединок,

Что будто стали улицы длиннее,
Ступеньки стали почему-то круче...
Уменьшилась семья, но я имею
(Подумать страшно!) аж четверку внучек!

Опять июнь. Пускай уходят годы,
Пускай цветут лилово джакоранды.
Через туман я вижу неба своды
И вечность вижу со своей веранды.

ТУМАН В САДУ

Сад по утрам обвит густым туманом,
Как саваном бесформенным, бесшовным.
Седые капли падают, как манна,
Ложатся на деревья слоем ровным.

В искусственном ставочке рыбок стая
Под листьями кувшинок притаилась.
Не видно солнца, и сосна густая,
В ставочек глядя, в нем не отразилась.

Ее верхушка рвется к солнцу, звездам...
Ей саван из тумана по колено.
В ее густых ветвях вороньи гнезда,
Что воронятам кажутся вселенной.

У каждого свой мир, свое поместье –
У рыбок, птиц и у меня, убогой.
В тумане сада, в этом тихом месте,
За красоту природы славлю Бога.

Мне ничего не видно за туманом,
И все же грудь спокойно, мерно дышит.
«Доверься Мне!» – я слышу утром рано,
И днем и ночью сердце это слышит.

ДВЕ СЦЕНЫ

(Дни фиесты в Санта-Барбаре)

Луна взошла серебряной тарелкой,
Ей эвкалипты служат пьедесталом.
В траве сверчков ночная перестрелка...
Под нами на скамейке одеяло.

Амфитеатр под лунным освещеньем.
Сегодня в Санта-Барбаре фиеста.
Народ пришел сюда на представленье,
Ни одного свободного нет места.

Прожекторы, с луною соревнуясь,
На сцену льют струи цветного света,
Где кружатся, оркестру повинуясь,
Артисты мексиканского балета.

«Фольклорико» – балет народных танцев,
Вся жизнь народа в этом шумном вихре
Внушительных, живых интерпретаций.
Оркестр гремит, а люди все притихли.

Луна оторвалась от пьедестала,
Плывет одна – танцует в небе соло
Легко под ритм таинственных хоралов...
Чей это властный слышит она голос?

Мы здесь сидим, а космос весь в движенье,
Земля свои свершает обороты,
Луна и звезды в Чьем-то подчиненье,
Им музыку писал незримый Кто-то.

И я смотрю на пестроту костюмов,
И слышу грохот музыки народной...
Тесна здесь сцена, жалка и угрюма
В сравненье с той, бескрайней и свободной.

ДЕНЬ В ОКТЯБРЕ

Октябрьский воздух свеж, и сух,
И чист, как совесть у ребенка.
И облаков лебяжий пух
Уходит тихо вдаль сторонкой.

И ветру лень шуметь листвой,
Срывать с сосны сухие иглы.
Повис над самой головой,
Ни волоска на ней не выгнув.

Изгибы гор обнажены.
(В такие дни прикрыться нечем.)
Треск старых шишек у сосны
Звучит, как щелканье картечи.

Синее неба, океан
Волной махнул победоносно.
Забыв про бури и туман,
Он стал тщеславиться несносно.

Кружится чайка над водой.
Гляжу: нет-нет и воду клюнет...
Вчера спускалась за едой,
Сегодня океан целует.

В такие дни в лесу б гулять
И шишек треск в прохладе слушать.
Но я ж ведь бабушка и мать,
И дома дети просят кушать.

И потому, насытив взор
Красой природы в час обеда,
Берусь за «письменный прибор»,
Чтоб не прозвали дармоедом.

ОСЕНЬ

Ночь в права вступила в восемь,
Листья падают с каштана...
Это значит, друг мой, осень
К нам нагрянула нежданно.

Сад запущен, как неряха, –
Неподстрижен и нечесан,
У смоковницы рубаха
С плеч сползла на ноги босы.

Помидорные подпорки
В огороде, как сиротки.
Стал похожим на задворки
Сад-красавец в срок короткий.

В этом общем увяданье,
В этой буре желтых листьев
Вижу я напоминанье
Нерушимых, вечных истин.

Наша жизнь в сплошном движенье:
Было лето – будет осень,
Будет радость воскресенья,
Солнца свет и в семь, и в восемь.

ТИХОЕ ВРЕМЯ

Бурые иглы сосен,
Желтые листья клена...
Вновь наступила осень –
Отдых земли утомленной.

Нужен роженице отдых,
Плод подарившей людям.
Хлеб, виноград, корнеплоды
Мы принимаем и любим.

Воздух вдыхаем свежий,
Дождик встречаем хлесткий.
Пусть украшают межи
Крупные капли-блестки!

Тихое время – осень.
Рано темнеет небо.
Что в закрома уносим?
Много ль собрали хлеба?

Житницы вечной мера
Наш урожай вбирает.
Осень! Где плод твой, Вера?
Это Господь лишь знает.

СЛЕДЫ И ПЛОДЫ

Христос прошел и след неизгладимый
Оставил за Собою на земле.
И потянулись мы, как пилигримы,
Тот след однажды разглядев во мгле.

А он то вырисовывался четко,
То вдруг совсем почти что исчезал.
Тогда мы шли неровною походкой,
На ощупь и куда глядят глаза.

Но снова путь в тумане находили,
Рельефными вдруг делались следы.
И дальше шли мы в обновленной силе
Сквозь бури жизни и военный дым.

И так дошли до новой в жизни вехи.
И снова в праздник жатвы, как в былом,
Считаем неудачи и успехи,
Все то, что время в вечность унесло.

Я не знакома с вашим урожаем,
А о своем нехорошо кричать.
Я знаю: в Царстве Божьем уважаем
Тот, кто умел трудиться и молчать.

И если, проходя земные дали
Указанным Спасителем путем,
Его неизгладимыми следами,
Мы зерна правды сеяли пудами,
Тогда и плод обильный соберем.

СЪЕЗДУ

Поля освобожденные лежат,
Отдав плоды усердным хлеборобам.
Спрессован хлопок, собран виноград,
У житниц нанесло зерна сугробы.

Вдали холмов коричневых горбы
Раскинулись неровной вереницей,
Как будто бы земля спекла хлебы
И разложила на ветру студиться.

Кто сеял, собирает урожай
И в закрома его на зиму сложит.
Закон земли: людей не обижай!
Пускай работник труд свой подытожит.

В духовном мире тоже свой закон,
И у меня есть поле и работа.
И земледельца труд и мне знаком
От первого и до седьмого пота.

«Не от росы – от пота урожай» –
Гласят слова пословицы народной.
У каждого из нас своя межа
На ниве нераспаханной Господней.

Что сеяли и с чем сюда пришли?
Что в житницу небесную сложили?
Усердно ль Богу неба и земли
На нивах побелевших послужили?

Благодаренья славный день настал!
И снова съезд, приветствия и встречи.
Один, другой мне говорят: «Устал!»
Так значит, потрудился, человече!

А раз трудился, значит, будет плод,
И радоваться можно откровенно.
Благодарим Тебя за труд, Господь!
Благодарим за плод его нетленный!

«Ибо ныне родился вам…»
Лк. 2:11

МНЕ ПОЧЕМУ-ТО ВИДИТСЯ ИНОЕ...

С открытки улыбается Мадонна,
Склоненная над яслями простыми
Со свежим сеном, мягким и душистым,
Где Мальчик новорожденный лежит...

Спокойно в стороне стоит скотина:
Ослы, волы, овечки и коровы...
Звезда с небес струит лучи косые,
И пастухи столпились у дверей.

Все чинно, тихо, мирно, благородно,
Антисептично, чистенько до блеска!
Как будто Бог приходит к нам без боли,
Не в грех приходит, а в безгрешный рай.

И мне все время видится иное...
Усталая от длительной дороги
Чета святая, не найдя приюта,
Расположилась на ночлег в хлеву.

Терзают Деву схватки родовые,
Пот на челе холодный выступает...
Кусая губы, на полу ложится,
Где прелая соломка и навоз...

Ни бабок-повитух, ни акушерок.
Одна, совсем одна... В такое время!
Да муж с неопытной своей рукою,
Заботой неуклюжею своей...

Под блеянье овец, коров мычанье,
Под ветра вой в щелях худого хлева,
На влажный пол с зловонною соломой
Бог самое Святое положил!

В смрад, в гниль, в навоз,
В безвыходную бедность,
В дырявый хлев с проваленною крышей
Небесный свет сошел. Здесь воплотился Бог!

Мадонна на меня глядит с открытки.
Ее Ребенок на пахучем сене...
Мне ж почему-то видится иное:
Мое грехом испорченное сердце,

Убогое, несчастное, пустое,
И грязный пол его зловонный, влажный...
И вижу, как святой, безгрешный Бог
На этот пол Свое Дитя кладет!

ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА

Вымыли небо дожди.
Снова небесная синь
С неба на землю глядит,
Как на слугу властелин.

Трудная жизнь на земле:
Войны, раздор, теснота.
Страсти бурлят, как в котле,
Скорбь, темнота, суета...

Небо на землю глядит,
Совесть ее шевеля,
«Хочешь счастливою быть?
Стань мне послушной, земля.

Славу Всевышнему дай,
Дар Его вечный прими.
Помнишь, явилась звезда
И принесла тебе мир?»

ДИТЯ НАДЕЖДЫ

В грубые ясли
Рукою нежной
Бог положил нам
Дитя надежды.

Грубому миру,
Злобе мятежной
Дан был Младенец –
Светоч надежды!

Плакали люди,
Ангелы пели.
Звезды на ясли
Кротко глядели.

Не было света,
Страшные тени...
Гнулися спины,
А не колени.

Души уснули
Сном безмятежным...
Встаньте, проснитесь!
Бог дал надежду!

Миром поныне
Правят невежды,
Но не погас тот
Светоч надежды.

Бог призывает
Голосом нежным:
«Люди примите
Дитя надежды!»

КАПЛИ ЖИЗНИ

Каплей малой в море вечности
Растворился прошлый год.
Говорю с чистосердечностью,
Что назад он не придет.

Не вернется капля малая,
Но навек не пропадет.
В той стране, где не бывала я,
Кто-то каплям счет ведет.

Велика Его Вселенная,
Края нет ни вширь, ни ввысь.
Все ж хранит Он драгоценную
Человеческую жизнь.

За нее Он Сына чистого
На распятие отдал
И ее теченье быстрое
По Его пустил следам.

Наши годы – капли звонкие.
Новый год опять грядет...
Неужели же сторонкою
Человек опять пройдет,

Не заметив, что спасение
Для него свершил Христос?
Неужели капли времени
Станут капельками слез?

Бог с любовью и терпением
Капли жизни бережет.
Может, кто-нибудь спасение
Примет в этот новый год?

ПЕРЕХОД

Тихий вечер. Удлинились тени.
Опустела улица моя.
Отдыхает от дневных волнений
У стола за ужином семья.

День ничем как будто не отмечен,
«Ныне» не отличишь от «вчера».
Были вкруг стола такие ж встречи,
На дворе такие ж вечера.

Все же этот день особо важен.
Праздничную подаю еду.
Чуть дрожит рука, и взор мой влажен –
Это ж ведь последний день в году!

Поедим. Я приберу посуду.
Выйду в сад. (У нас ведь нет зимы.)
Буду вспоминать и плакать буду,
Глядя в год, что пережили мы.

Жалко, что ушел и не вернется.
Поздний вечер, как немой, молчит.
Утром новый день нам улыбнется,
Новый год нам в сердце постучит.

Сколько их – отмеренных отрезков,
Полных треволнений в забот!
Боже, не возьми из жизни резко,
Пусть спокойным будет переход.

Пусть в такой обыкновенный вечер
Удлинятся тени, как всегда.
Дух Святой подует, как на свечи,
И погасит все мои года.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ГОДУ

После шумной новогодней встречи
Люди распрощались и ушли.
Догорели праздничные свечи,
Елку разрубили и сожгли...

И казалось, будто всю окрестность
Обняла предгрозовая тишь.
Легким покрывалом неизвестность
Опустилась на изгибы крыш.

Замерли и притаились зданья.
Улицы безлюдные молчат.
Город скован чувством ожиданья,
Чувством неизвестности объят.

Первый день в году, как день рожденья
На скрещенье тысячи дорог.
Первый день в году, как день творенья.
Тайну «завтра» знает только Бог!

ГОДЫ

Были годы колен материнских и каш,
Безответности детской беспечный шабаш.

Были годы скакалок, мячей, пузырей,
Были годы русалок и богатырей.

Были куклы-матрешки, из листьев компот,
Были годы зубрежки, контрольных работ.

Были годы мечтаний, и планов, и грез.
А один год был полностью соткан из роз...

Мчались годы-курьеры своим чередом
И делились на эры: на «после» и «до».

Старой эры года, новой эры места
Разошлись навсегда: до и после Христа!

Новых лет исчисленье с Него началось,
От второго рожденья оно повелось.

Были годы служенья для блага людей,
Были годы суженья широких путей,

Были годы рыданья, молитв и постов,
Были годы сжиганья пройденных мостов.

Были годы восходов до высших вершин,
Были годы походов до низших низин.

Были годы броженья, открытых концов,
Были годы сближенья с Небесным Отцом.

Были годы падений и годы побед,
Были годы видений и тихих бесед,

Поворотов лихих, перевалов крутых...
Я писала стихи о годах золотых,

Я писала стихи и поныне пишу,
Потому что стихами живу и дышу.

Будут годы еще впереди предо мной.
Они будут вставать темно-бурой стеной.

Они будут хрупки, словно первый ледок,
То горьки, как полынь, то сладки, как медок.

Будут старости годы, болезней, невзгод...
Будут радостей годы, и будет ТОТ год...

Будет год предвкушения встречи с Христом,
Год серьезных решений настанет потом...

Мой прощальный, последний, не конченный год...
Он придет... Но зачем забегать наперед?

В НАЧАЛЕ ГОДА

Новый год раскрыл ворота.
«Заходи», – сказал учтиво,
Но от взоров спрятал что-то
За спиною торопливо...

Неожиданные встречи,
Неприятные сюрпризы.
Все, о чем по-человечьи
Говорят «судьбы капризы».

Все скрывается из вида.
Но случайных нет сюрпризов.
Тот, Кто будущее видит, –
Господин «судьбы капризов».

В милосердье бесконечном
Новый год от нас скрывает.
Доброта и человечность
В том, что «завтра» Он лишь знает.

Доброта и человечность
В том, что прошлое прощает.
Чуткость, ласка и сердечность
В том, что будущность скрывает.

Жизнь моя в руках Господних.
Пусть мой дух к Нему взовьется
И в молитвах новогодних
С Ним доверчиво сольется.

«Служения различны, а Господь один и тот же»...
1 Кор. 12:5

ТАРИРИ

Дикие индейцы в диких джунглях,
В хижинах из листьев, на столбах,
С котелком на раскаленных углях
Поклонялися змее боа.

Поклонялись солнцу, звездам, птицам,
Ублажали божество войны.
Думали, что можно научиться
Вечно жить и исцелять больных.

Вождь бесстрашный в хижине-квартире
Посреди селенья восседал.
С детства знал предания Тарири.
Ими он собратьев наставлял.

Он владел копьем тяжеловесным
И с убитых головы снимал.
Пояс из волос носил на чреслах,
С грудою голов спокойно спал.

Но однажды приземлилась «птица»,
Засияла в солнечных лучах.
Из нее несмело две девицы
Вышли с теплой ласкою в глазах.

Поселились в хижине из листьев,
Что Тарири смастерить успел,
И язык индейский, неказистый,
Сам преподавал им, как умел.

И когда слова им те привились,
Из какой-то книжки по утрам
Новостями странными делились
С теми, кто пришел в их скромный «храм».

Говорили о великом Боге,
Как Он людям Сына подарил,
Как прощает грешников убогих,
Вызывает мертвых из могил.

Говорили и лечили раны,
Врачевали старых и детей.
И народ индейский, полупьяный,
Не слыхал еще таких речей.

Их спасенье началось с Тарири.
Первым принял истину он сам.
И с восторгом говорил о мире,
О пути к предвечным небесам.

И когда, посеяв правды семя,
Те девицы отправлялись вдаль,

Чтобы посетить другое племя,
Вождь Тарири не скрывал печаль.

Слезы из очей его катились.
Как ребенок, тер их по щекам:
«Если б не пришли вы, не открылись
Небеса индейцам, диким, нам.

Мы бы о спасенье не узнали,
И грехам прощенья не нашли.
Мы бы убивали, погибали,
Если б вы с любовью не пришли.

Так бы жили в джунглях непролазных,
В хижинах из листьев, на столбах,
Поклонялись б солнцу, птицам разным,
Поклонялись бы змее боа.

БЕСПЛОДНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Усталость!
Напряжение, забота,
Бессонница,
И головная боль,
И язва мучит,
И опять работа,
И на челе
Почти кровавый пот...
Но где же рост?
Где цвет?
Где плод?
Усталость!
Посещенья, переписка,
Звонки по телефону –
Пухнет голова!
Слова... слова...
В стихах, в статьях,
В записках
Идут в поход.
Но где же рост?
Где цвет?
Где плод?
Обидчивость,
И вспыльчивость,
И нервность,
Злопамятность,
Сварливость...
Целый взвод
Чрез реку сердца
Переходит вброд.
Так мелко всюду!
Злу свободный ход.
Но где же рост?
Где цвет?
Где плод?

Все было некогда
Уединиться,
Подумать,
Почитать
И помолиться.
Душой своей
С Великим, Вечным
Слиться...
Тогда идти вперед.
И был бы рост,
И цвет,
И плод!

ТЕ, КОГО ВЕСЬ МИР БЫЛ НЕДОСТОИН

Те, кого весь мир был недостоин,
Жили где попало, как попало.
Ели что-то скромное, простое,
Бодрствовали много, спали мало.

Верили в обещанное Слово
И с надеждой твердой умирали,
А обетования святого
Исполненья так и не видали.

Но у них не опускались руки,
Не пугали их властей угрозы,
На кострах, крестах терпели муки,
Зная, что отрет Спаситель слезы.

Истины носители святые,
Дорого им путь тот узкий стоил.
На вершины вел Господь крутые
Тех, кого весь мир был недостоин.

И теперь они живут на свете –
Соль, что землю бережет от порчи.
Труд их кропотлив и незаметен,
Исполнять его не всякий хочет.

Нет им ни почета, ни привета,
Нет о них прекрасных песнопений,
Не дают им уголка в газетах,
Не дают им Нобелевских премий.

Ничего, что мир так низко ценит
Это стадо Божие, простое.
Ждет Господь и у Себя поселит
Тех, кого весь мир был недостоин.

«Все сии умерли в вере...»
Евр. 11:13

Памяти П. И. Рогозина

РЕДЕЮТ РЯДЫ...

Редеют ряды.
Нас один за другим покидают гиганты.
Нет большей беды,
Чем эта потеря великих талантов!
Все больше седых
На церковных просиженных скамьях.
Пора молодым
Передать их победное знамя.
Господняя милость
Уводит гигантов на гору.
Их посох и милоть
Кому-то прийтись должны впору.
И есть ли достойный
Взять знамя из рук утомленных?
Где юноша стройный,
В Христа, как в невесту, влюбленный?
Сегодня служенье
Другому отдать удается.
Чрез рук возложенье
Оно ему передается.
А завтра? Кто знает,
Найдется ль служивым замена?
Упавшее знамя
Подхватит ли юная смена?
Редеют ряды.
О Господь, приготовь пополненье!
Пошли молодых
На высокое это служенье!

ДО СВИДАНИЯ...

Черные птицы, как черные клавиши,
Сели рядочком на проводе.
Едет процессия тихо на кладбище...
Чьи это грустные проводы?

Третьего дня еще было дыхание,
Билося сердце размеренно,
Было всего, что вокруг, понимание...
Жизнь, до чего же ты временна!

Смерть, до чего ж ты бываешь безжалостна
И до чего неожиданна!
Тихо пришла, к изголовью прижалася
И похоронную выдала.

Вот и везем теперь тело уснувшее.
Кончились жизни волнения,
Кончились долгие годы минувшие,
Но впереди ВОСКРЕСЕНИЕ!

Осень по кладбищу листья рассыпала.
Птицы спустилися с провода.
Смерть для спасенных – не сон беспросыпный,
Нет для отчаянья повода.

Папа, до встречи, пока, до свидания!
Встретимся там, за закатами!
Дал обещанье Творец мироздания.
Слово Его запечатано!

ПОЛЕ СИРОТЕ

Она об Иерусалиме пела,
Наш слух и души пеньем услаждая.
Кто думал, что так скоро ее тело
Умрет, и дух войдет в прохладу рая?

Кто думать мог, что скорбный список длинный
Она продлит, свои сомкнувши веки?
Певунья голосистая Полина
Уйдет так неожиданно навеки?

Никто не думал, и никто не знает,
Когда его кончина ожидает.
Так почему же брату не прощает?
Зачем же своих ближних обижает?

Пускай друзей ушедших вереница
Напомнит нам про смерти неподкупность.
И пусть в нас мир желанный воцарится –
Любви и совершенства совокупность.

Пусть солнце не зайдет во гневе нашем.
Мирись в пути с соперником и другом,
Чтоб завтра нам не плакать о вчерашнем
И встать перед Судьею без испуга.

ШУРЕ

О горе матери, что потеряла сына,
Что можно нашим языком сказать?
Знакома мне души твоей кручина,
Но рану сердца мне ль перевязать?

Мне ли утешить скорбь твою немую?
Мне ли елеем душу умастить?
Тебя лишь с состраданьем обниму я
И Бога буду о тебе молить.

Да будет Он твоей, сестра, утехой,
Твоим покоем, миром, полнотой...
Да увенчает жизнь твою успехом,
К Себе приблизив скорбию святой.

* * *

Когда умрем, когда не станет нас,
Живая кровь утратит свой огонь.
И вечность скажет, что прошел наш час –
Осекся и упал на скачках конь...
Да будет утешеньем нашим то,
Что в юности когда-то, в цвете лет,
Невозвратимый времени поток
Был нужен нам, как мраку нужен свет,
Что не проспали мы его тогда,
Не расточили даром, не прожгли
И не остались в жизни без плода,
Не без снопов в небесный град вошли.
А если нет? Ужасен смерти час!
И утешенье это не для нас!

«Сие кратко написал я вам...»
1 Пет. 5:12

МИНИАТЮРЫ

ПРИГЛАШЕНИЕ

На склоны гор ночная тень
Легла, как слой фабричной сажи.
Остыл песок на знойном пляже,
За горизонт скатился день.

Я оступилася у камня,
Не в силах одолеть ступень.
Ты так был нужен мне в тот день!
Была нужна Твоя рука мне.

Стал круче и трудней подъем
И гуще и мрачнее тени.
Склонив перед Тобой колени,
Произнесла: «Пойдем вдвоем!

Пойдем вперед в руке рука,
Мое бессилье с Твоей силой»,
Был голос тише ветерка:
«Вот хорошо, что попросила!»

ВСЕГДА СО МНОЙ

Со мной всегда идет везде Он –
Удерживающий от зла.
В тени стоит коварный демон...
Я с ним бороться б не могла
Своей несовершенной силой.
Не выровняет и могила
Горба греха у горбуна.
Лишь Ты ровняешь все горбы
И все пути мои ровняешь.
Ты демона слепой судьбы
С моей дороги прогоняешь.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

К холодному стеклу окна
Щекой горячей я припала.
И лист кленовый пятипалый
Осенний ветер мимо гнал.

Он словно знал, что я одна,
Что света нет в оконной раме.
К лицу через стекло окна
Прильнул, как пластырь к жгучей ране.

Как чья-то добрая рука,
Погладил, приласкал, умчался...
След теплый на стекле остался,
И проседь на моих висках...

НЕ ЛГИ

Смотри, никому не лги.
Ни себе не лги, ни другим,
Но более всех других,
Ты мне никогда не лги.

Ложь – диавола острый меч,
Что правду крошит в труху.
Мне легче под поезд лечь,
Чем спать на ее пуху.

Ты прямо в глаза гляди
Христу, и друзьям, и мне,
И правду в душе найди,
На самом ее дне.

Найдя, выноси на свет,
От тьмы со всех ног беги.
Есть черный и белый цвет.
И белый значит: «не лги».

СЧЕТОВОД

(Муки налогоплательщика)

Не перечесть несчетных недочетов:
Всю ночь считает счетовод на счетах.
Костяшки счет в его руках, как четки,
Стучат ритмично с четкостью чечетки.

Расчет, переучет и все просчеты
Учтет несчастный счетовод на счетах.
Жена счета под нос ему сует –
Считай и помни: деньги любят счет!

КОНЦЕРТ

Рыдает скрипка и звенит –
Звук чистый тоньше волоска.
Еврейка – девочка Лиллит
Приехала издалека.

Дает концерт ребенок-маг.
Смычок то плачет, то поет.
Мелодия – Лиллит сама,
А скрипка из нее растет!

Я дух боюсь перевести:
Какой талант! Какой талант!
Слеза блестит в глазах Лиллит,
На голове трепещет бант.

ДОБРОТА

Простая доброта, внимательность простая
Желание добра во всяком вызывает.
Не бойся же добром твоим делиться с братом.
Делясь, не жди себе награды и уплаты.

СВОБОДА

Кто во Христе, тот истинно свободен,
Спокоен, счастлив, радостен, богат.
Ведь к вечным благам путь ведет Господен,
Кто им идет, тот Иисусу брат!

Пускай в тюрьме чахоточное тело,
Пускай закрыт законом смелый рот,
Душа бы только ласточкой летела –
Свобода духа выше всех свобод!

Мы говорим о равенстве народов,
Мы за свободу хоть на эшафот!
А истинная, вечная свобода
Та, что Христос спасенному дает!

ЕМУ ОТДАМ...

Когда темно вокруг и выхода не видно,
Отчаянье свое Спасителю предам.
И Он откроет путь, и я упьюся видом,
Представленным моим заплаканным глазам.

О вечная рука, надежная, как камень!
О вечная любовь, доступная всегда!
Я за Христа держусь обеими руками,
Охотно навсегда всю жизнь Ему отдам!

ПИЩА СВЫШЕ

Рыжий птенчик топорщит пушок,
Клюв уставив в небесный простор,
Ждет, авось упадет червячок
В его желтенький клювик пустой...

В мир придя на отмеренный срок,
Просим небо осмыслить наш бег.
Если в рот упадет «червячок»,
Не напрасно прожил человек.

Пища неба дороже земной.
Дух в груди, как голодный птенец.
«Вечно живы живущие Мной», –
Обещал нам Небесный Отец.

ОСЕННИЕ МИНИАТЮРЫ

Ноябрь пришел, в свои права вступил,
Повис туманом на вершинах гор,
На сикоморах лист позолотил
И ветер превратил в осенний шторм...
Ко мне пришла осенняя пора:
На голову спустилась сединой,
Морщинами сказала: «Ты стара»,
Усталостью смеется надо мной.
«Последние смеются хорошо», –
Ей отвечаю вечною душой.

* * *

Когда придут осенние дожди,
Я им навстречу выйду без плаща...
Я смерти не скажу: «Ты подожди»,
Пред нею малодушно трепеща.
Жизнь принимала, значит, смерть приму.
Таков закон – «живущий всяк умрет».
Прошла сквозь свет, пройду сквозь смерти тьму,
Мой вечный дух ее переживет.
Пускай осенний дождик на дворе.
В моей душе весна и в ноябре!

* * *

Мы вместе шли, но он отстал от нас
И в сторону пошел куда-то вдаль,
Влекомый блеском чьих-то светлых глаз
И чувством, что несет одну печаль...
В конце пути он снова нас догнал.
Между бровями темный желобок
Нам красочно, безмолвно рассказал
О том, что он усвоил свой урок:
Не дорого все то, что нас манит.
Не золото оно, хоть и блестит.

* * *

Что если б Бог позволил повторить
Всю жизнь сначала до минуты сей,
Чтоб снова рисковать, дерзать, любить
И снова выбирать себе друзей?
Я б не искала лучшего пути,
Благополучья и бесскорбных дней,
Я б пожелала вновь за Ним идти
В кругу тех самых искренних друзей,
С тем самым мужем годы коротать
И ту ж четверку с болью воспитать.

«Буду размышлять о высокой славе величия Твоего и о дивных делах Твоих».
Пс. 144:5

У РЕКИ В ДЕНЬ ОТДЫХА

Тихо шумит над водою тростник.
Ива концы своих веток полощет.
Ветер к воде невидимкой приник –
Мелкою зыбью поверхность топорщит.

Все бы вот так тут стоять и стоять
С ивою рядом, у берега речки,
Слушать, как ветер ей будет шептать
Нежные, полные ласки словечки.

Слушать, как плещется звонко вода,
Видеть, как вьются над нею стрекозы,
Так хорошо, что беда – не беда,
Так хорошо, что и слезы – не слезы!

Все отступает куда-то назад.
Мирно, тепло на душе и спокойно.
Что мне, что где-то грохочет гроза?
Что мне, что где-то раздоры и войны?

Тихо шумят у воды тростники...
Расшифровать мне их говор нетрудно:
«Ценишь ты этот покой у реки
После в работе проведенных будней...»

Зная, что к ним возвращуся опять,
Дольше стою под плакучею ивой.
Боже, позволь здесь еще постоять!
Боже, как все здесь свежо и красиво!

ПАРК ЙОСЕМИТИ

Кто прорезал тебя,
Живописная чудо-долина?
Говорят, ледники. Я не спорю.
Пускай ледники
Прорезали гранит,
Как могучий резец исполина,
И, растаяв, остались на дне ее
В виде реки.
«Кафедральный собор», «Полукупол»,
«Три брата» – названья
Твоих скал вековых,
Изваяний прекрасных твоих.
Пусть творил их ледник –
Этот скульптор слепой, без призванья,
Я другого Художника руку
Заметила в них.
В каждом камне громадном,
Что здесь провалялся веками,
Вижу жертвенник Богу –
Воздвигнутый небу алтарь!
Здесь земля свои жертвы хвалы
Возлагает на камни,
И курит фимиам,
И елей возливает, как встарь.
Разве это не храм?
Разве это не чудо творенья?
Этот снег на горах, эти скалы и эта река?
Этот шепот листвы,
Водопадов могучих гременье,
Лавра дикого запах
И хруст под ногой сушняка?
Разве это не своды –
Гранитные эти громады,
Отсеченные гладко
Отвесною, ровной стеной?

Не завет ли с Творцом
Эта радуга над водопадом?
Не свечой ли горит
На закате сосна над водой?
Так и хочется руки скрестить
И упасть на колени,
И прославить Творца
За вот этот земной уголок.
И представить на миг
Красоту наших вечных селений,
Ту страну, что на небе
Господь для Своих приберег.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ОТПУСКА

Грандиозные горы,
Вечный снег на вершинах,
Лес зеленый и бурый
У дороги стеной.
А в ущелье потоки,
Соревнуясь с машиной,
Как моторы, рокочут
На камнях подо мной.

Мы гляделись в озера
И считали газелей,
Восхищались фонтаном
Кипятка из земли,
Покупали подарки,
Ночевали в мотелях,
Заснимали просторы,
Что вокруг пролегли.

Мы мочили ладони
В ручейках Орегона,
На Викторию нас
Переправил паром,
Нас машина вносила
На холмы без разгона
И в долину катила,
Как с горы снежный ком.

Побывали в Альберте,
Манитобе и Юте,
Край земли показал нам
Плоский Саскачеван.
Банф приветствовал градом,
Отказал нам в приюте,
Солнце жгло нас в Неваде,
Дома встретил туман.

Ну, а если кто спросит,
Что нам было дороже,
Что нам врезали в память
Впечатлений ножи?
Горький запах полыни
Из канав придорожных,
Серебристые волны
Колосящейся ржи.

Вам покажется странным
Мой ответ неказистый.
Вам бы были милее
Города и мосты.
Значит, мы не такие,
Как другие туристы,
Если нас прошибают
Полевые цветы.

Если нас умиляет
Быстрой ласточки хвостик,
Скирды свежего сена
На душистых лугах
И простой, деревянный,
Расшатавшийся мостик,
На котором едва ли
Устоишь на ногах.

Но, поймите, что струны
Это тронуло, может,
Что заглохли под пылью
Суеты и забот,
И заплакало сердце,
И сказало: «О Боже!
Как велик Ты в том малом,
Что нам счастье дает!»

ПЕЩЕРЫ ВЕЛИКОГО КАНЬОНА

Чуть-чуть в стороне от дороги,
На ровной обветренной площади,
Стоит обрамленный кустарником
Невзрачный на вид флигелек.

Таблица из красного дерева
Гласит: «Здесь пещеры подземные».
А рядом у входа в строение
Стоит голубой динозавр.

На нем штукатурка облуплена,
И краска облезла от времени.
Но статуя эта и вывеска
Туристов в домишко влекут.

Внутри магазин с сувенирами:
Изделья из кожи и дерева...
И столик в конце помещения,
Где ждет посетителей гид.

У нас на лице недоверие,
Подвох предвкушают сомнения,
А он нас спокойно, уверенно
Сажает в модернейший лифт.

И мы, возложив упование
На знания этого юноши,
Спускаемся в шахту бездонную,
Где что-то нас якобы ждет...

И чудо! Пещеры глубокие,
Громадные, светлые, тихие,
Кристальные и известковые
Нас встретили там в глубине.

Нам гид открывал их историю,
Водил по дорожкам с перилами,
И мы, затаивши дыхание,
Гуляли там сорок минут.

Гид свет погасил на мгновение,
И мы (не без трепета скрытого)
Узнали, что тьма есть кромешная,
Что полная есть тишина.

Лифт вынес наверх нас и высадил
На землю, где небо и солнышко,
И думы свои сокровенные
Мы каждый с собой унесли.

Не знаю, что думали спутники,
Но мне те пещеры глубокие,
Снаружи от взоров сокрытые,
Напомнили души людей.

Глубокие, тихие, темные,
В земные тела облеченные,
Они ожидают вторжения
Того, кто бы их осветил...

И светом своим, и присутствием
В них вызвал бы самое лучшее:
Сиянье кристаллов на сводах их
И стен меловых белизну!

ВЕЛИКИЙ КАНЬОН

(Рассуждения у Великого ущелья)

Все кончилось сразу... Распалось, расселось,
Рассыпалось прахом, смелось!
Когда-то смеялось, дышалось и пелось,
Любилось, писалось, жилось...

Но что-то незримо точило в глубинах
Все то, что казалось «навек»,
Как точат и режут ущелья в долинах
Прохладные ленточки рек.

Где были равнины – овраги, обрывы,
Провалы, расселины скал...
Глубокую пропасть на месте красивом
Прорезала жизни река.

И трещина эта пришла незаметно:
На ровном ландшафте – зигзаг...
Ее расширяли жестокие ветры,
Ей ливни дарила гроза.

Эрозия крошит, громит, разрушает.
И это не сказка, не сон:
Равнину покоя она превращает
В широкий Великий каньон!

ЯЗЫК ЗЕМНЫХ ПЛАСТОВ

(У Великого каньона)

Слои, слои, слои...
Века, века, века...
Раскрыли тайны свои
Земля и на ней река.

И каждый багровый слой,
Которому тысячи лет,
Здесь открывает свой
Веками скрытый секрет.

Как книгу, читает пласт
Геолог с киркой в руках.
Так Бог прочитает нас,
Сокрытых в Его веках.

Пласты, пласты, пласты...
До тайны рукой подать.
И то, что скрываешь ты,
Весь мир сможет прочитать.

Живой воды река
По вечности пробежит –
Слои, пласты и века
Прорежет и обнажит.

И вынесет все на свет.
И крикнет стеной слоев:
ПРЕД БОГОМ СЕКРЕТОВ НЕТ!
БОГУ ОТКРЫТО ВСЕ!

СОДЕРЖАНИЕ

